

Выжить для любви

Светлана Чудова

Сердце пополам. Детективные романы

Светлана Чудова

Выжить для любви

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чудова С. М.

Выжить для любви / С. М. Чудова — «Эксмо», 2021 — (Сердце пополам. Детективные романы)

ISBN 978-5-04-121924-6

У Вероники Тропаревой необычная профессия: она телохранитель и дворецкий. Но ее работодателя, адвоката Виленского, убили, а Вероника оказывается первой подозреваемой. И это еще не все неприятности: общение с новым знакомым, Кириллом, грозит выйти из-под контроля. Ко всему прочему кто-то посыпает Веронике странные подарки и следит за ней...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121924-6

© Чудова С. М., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Светлана Чудова

Выжить для любви

© Чудова С., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Глава 1

Жужжание холодильника прекратилось.

Ника Тропарева настолько привыкла к нему, что в наступившей тишине мгновенно проснулась. Не открывая глаз, она прислушалась к темноте, которую, казалось, можно было резать ножом. Затем, приоткрыв один глаз, она взглянула на электронные часы на тумбочке по другую сторону кровати, но не увидела ядовито-зеленых цифр. Она сонно заморгала в растерянности. Села. И вдруг поняла, что случилось.

Электричество отключили. Только этого ей не хватало.

Она опять легла на спину и прислушалась.

Ночь была тихой. Предвестника грозы – грома – она не услышала. Гроза была самой вероятной причиной отключения электричества.

Ника не задерживала на ночь шторы на окнах. Они выходили в небольшой сад, обнесенный высокой оградой. Ночник не включала. Хватало приглушенного света из окон.

В просматриваемом уголке неба слабо мерцали звезды.

Ни малейшего признака дождя, ни облачка.

Может, выбило пробки? Или машина на шоссе врезалась в опору линии электропередачи? Могло случиться что угодно!

Вздохнув, Вероника села и потянулась к тумбочке за фонариком, который всегда держала рядом.

По какой бы причине ни отключилась электроэнергия, ее обязанность – избавить от всех хлопот Аркадия Юрьевича и позаботиться о том, чтобы он не испытывал чрезмерных неудобств.

Аркадий Юрьевич Виленский – отставной судья. Никаких срочных дел на завтра у него не намечалось, но старик любил завтракать в одно и то же время. Нет, нет! Он не капризничал и не скандалил, но любые перемены в привычном распорядке расстраивали его очень сильно. Ему минуло восемьдесят пять лет. И своей жизнью он заслужил право завтракать, когда ему заблагорассудится.

Ника сняла трубку обычного телефона, работа которого не зависела от электричества.

Гудка она не услышала.

Удивившись и уже начиная беспокоиться, Вероника встала.

Ее комната с ванной и туалетом располагалась над гаражом. Она выдвинулась в коридор и выглянула в окно, выходящее на центральное крыльце. Ни один из фонарей на лужайке не горел, но справа соседские фонари отбрасывали на газон длинные тени.

Значит, электричество все-таки не отключили.

Правда, мог сгореть предохранитель, но только в доме или в саду. Ника замерла, призвав на помощь логику и интуицию. Итак, во-первых, нет электричества. Во-вторых, телефон не работает. В-третьих, у соседей свет есть. Чтобы прийти к выводу, долго думать не понадобилось: кто-то перерезал провода, притом с единственной целью – проникнуть в дом.

Ступая по-кошачьи бесшумно, босиком, Ника вернулась в спальню и достала из тумбочки свой «макаров». Как назло, мобильник она забыла вечером в машине, припаркованной под навесом за домом.

Она уже метнулась к двери на улицу, но решила сначала сделать крюк и проведать судью, которого была обязана защищать. Она быстро заглянет к нему и убедится, что со стариком все в порядке. После нескольких сильных сердечных приступов он был еще очень слаб, и Вероника не могла позволить себе пренебрегать его здоровьем.

Шаг за шагом, аккуратно ставя ступни, она спустилась по лестнице в большой холл.

Прислушалась.

Тишина.

Но нет – Ника уловила приглушенный звук, такой тихий, что поначалу решила, будто ей почудилось. Она ждала, затаив дыхание, через минуту звук повторился чуть громче. Он доносился с застекленной террасы. Кто-то решил через нее проникнуть в дом.

Ника отступила в глубь холла, двумя стремительными шагами метнулась к массивному столетнему буфету. Едва она успела упасть на колено на толстый ковер и прижаться к боковой стенке буфета, как из библиотеки, служившей кабинетом судье, кто-то вышел.

Неизвестный был одет во все темное и тащил что-то громоздкое. Монитор с системным блоком компьютера, предположила Ника. Неизвестный втащил ношу на террасу, и опять послышались приглушенные звуки, похожие на шорох подошв по ковру.

У Ники колотилось сердце, но в то же время она ощутила и некоторое облегчение.

Скорее всего неизвестный – вор, а не преступник, решивший отомстить судье. Это еще не значит, что Аркадию Юрьевичу не грозит опасность – и грабители бывают агрессивными. Но поведение неизвестного указывало на то, что он всецело поглощен поиском добычи. Поскольку он позаботился заранее перерезать электрический и телефонный провода, значит, действовал организованно и методично.

Электрический кабель он перерезал для того, чтобы отключить сигнализацию, а телефонный – из предосторожности.

Вопрос был в другом: как поступить ей, Нике?

Она прекрасно помнила, что у нее есть пистолет, но пока ситуация не требовала применения оружия. Конечно, ради спасения жизни Аркадия Юрьевича или своей собственной ей придется стрелять, но чтобы вернуть компьютер – ни в коем случае! Впрочем, и отпускать вора с добычей Ника не собиралась.

Большинство взломщиков предпочитают работать без оружия, но это не означает, что их вор тоже безоружен.

Даже в темноте было видно, что неизвестный далеко не хлюпик. В открытом бою Ника справилась бы с ним, но если он вооружен, никакие приемы не помогут ей остановить пулю.

Ей давно была известна разница между уверенностью в себе и самонадеянностью, которая есть верный путь к смерти. Самое лучшее – напасть на грабителя со спины. Неожиданно.

Внезапный шорох насторожил Нику, она опять отпрянула за буфет. Грабитель сноваозвращался в библиотеку.

Значит, надо напасть на него, когда он выйдет, нагруженный награбленным. Ника положила фонарик на ковер, взяла пистолет в левую руку и начала медленно выпрямляться.

В этот момент в дверях террасы появился еще один человек.

Вероника замерла.

Сердце заколотилось оглушительно и лихорадочно, дыхание сбилось и оборвалось. Неизвестному достаточно было только повернуть голову, чтобы заметить в темноте ее светлую пижаму и белое от испуга лицо. Но он проследовал за своим сообщником, не оглядываясь по сторонам.

Задрожав от облегчения, Ника прижалась спиной к стене. Сделав несколько глубоких вдохов, она каждый раз задерживала дыхание, чтобы успокоить бешено бьющееся сердце.

Она чуть было не попалась.

Поскольку выяснилось, что грабителей двое, планы пришлось срочно менять. Риск увеличивался вдвое, шансы на успех убавились на столько же. Ника уже была готова выскользнуть из дома и позвонить в полицию из машины – при условии что доберется до нее незамеченной. Но оставить судью без охраны она не могла.

В последнее время он плохо слышит, к нему легко подкрасться незаметно, спрятаться он не сможет. Правда, старик достаточно смел, чтобы ввязаться в драку с незваным гостем, но тот очень быстро или серьезно ранит или убьет его.

А ее, Никина, обязанность – не допускать ничего подобного.

Значит, покидать дом нельзя.

Ее нервы натянулись, как струны, – до предела. Но вдруг страх ушел. Она приняла решение, и теперь предстояло забыть обо всем, кроме цели.

Из библиотеки-кабинета послышались шорохи и негромкий мат. Несмотря на напряжение, Ника улыбнулась трехэтажному произведению ненормативного русского.

Если грабители пытаются утащить сейф, то оба рискуют надорваться. Сейф судьи был старым, массивным монстром. Почти антиквариатом. Аркадий Юрьевич не жаловал современные модели.

Значит, руки у воров будут заняты – самое время напасть на них.

Выпрямившись, она бесшумно шагнула вперед, прижалась к стене возле двери библиотеки и заглянула внутрь. Один из воров держал в зубах фонарик, при свете которого Ника убедилась, что оба и вправду сражаются с неподъемным сейфом. В довершение фонарик слепил обоим глаза и мешал увидеть Веронику.

Еще несколько раз продемонстрировав свое знание русского мата, один из грабителей попятился к двери, облавлив сейф, который его напарник поддерживал с другой стороны.

Послышался шум упавшей с подставки плазмы.

Ника закусила губу, зная, как расстроит судью разбитый телевизор.

Она почти слышала, как хрустят кости грабителей под тяжестью громадного монстра. А еще благодарила узкий луч фонарика, направленный прямо в глаза тому вору, что шел к ней лицом.

Итак, задача ее предельно упростилась.

Ника улыбнулась. Как только из двери библиотеки показался первый грабитель, она мгновенно выбросила вперед босую ступню и ударила его по левой щиколотке. Испуганно вскрикнув, вор рухнул навзничь, тяжелый сейф ударился о дверной косяк и придавил бедолагу сверху, приясь ребром по причинному месту. Отчаянный вопль грабителя превратился в пронзительный визг, переходящий в ультразвук.

Его напарник размахивал руками, стараясь удержать равновесие. Он выронил фонарик, в кромешной темноте яростно выругался и наклонился, рискуя упасть. Ника резко ударила его в висок. Поскольку грабитель уже падал, удар получился не таким мощным, как ожидалось, но все-таки она ссадила пятку, а противник обрушился на сейф, вызвав новую волну визга полузадушенного напарника, мгновенно обмяк и потерял сознание.

– Вероника, что происходит? Почему нет света? – послышался с лестницы гулкий голос, перекрывающий вопли придавленного.

Уверенная, что ни один из непрошеных гостей в ближайшие пять минут не сможет сдвинуться с места, Ника поспешила к лестнице.

– В дом проникли двое, Аркадий Юрьевич, – сообщила она.

Судья был глуховат, грабитель истошно визжал, поэтому Нике пришлось кричать во весь голос:

– Сейчас все уляжу. Побудьте здесь, я схожу за фонариком!

Не хватало еще, чтобы судья в темное свалился с лестницы, пытаясь помочь ей.

Отыскав у буфета фонарик, она посветила судье, который спустился с лестницы с неожиданным для него проворством.

– Грабители? Ты вызвала милицию?

– Не милицию. Она давно полиция. И – еще нет. Не вызвала. Придурки перерезали телефонный провод вместе с электрическим. А сотовый я забыла в машине.

Судья прищурился, вглядываясь в темноту, где виднелся клубок рук и ног. Ника направила на грабителей луч фонарика, и Виленский хмыкнул.

– Если дашь мне пистолет, я покараулю их, пока ты не вернешься с телефоном.

Вероника рукояткой вперед протянула судье пистолет, потом вырвала из телефонного аппарата шнур, чтобы связать бесчувственного вора. Он и вправду оказался рослым и крупным, и она с трудом перевернула его на живот. Ловко соединив запястья у него за спиной, связала их шнуром, потом согнула одну ногу грабителя в колене и привязала ее к рукам. Теперь он безопасен. А опасаться его напарника, стонущего под сейфом, вообще было незачем.

– Я скоро вернусь, – пообещала Ника старику, протягивая ему фонарик.

– Нет, нет, тебе понадобится свет.

– Мне хватит и фар машины, а они вспыхнут, когда сработает сигнализация.

При свете фонаря Ника увидела искорки в глазах за стеклами очков. Похоже, старику доволен развлечением! Еще бы: получать пенсию не так увлекательно. Должно быть, он истосковался по приключениям и даже небольшим драмам, а тут такая удача! Ника готова была поручиться, что сегодняшнее ночное происшествие Виленский еще целый месяц будет обсуждать с друзьями.

Поручив старику присматривать за грабителями, Ника направилась к выходу с террасы. Перед этим ей пришлось в кромешной тьме, цепляясь за перила, сбегать наверх за ключами от машины. К счастью, дверь в свою комнату она оставила открытой и потому смогла ориентироваться по светлому прямоугольнику. На холодильнике она отыскала еще один фонарик, с которым проделала обратный путь гораздо быстрее.

Выходя из дома, она нажала кнопку пульта сигнализации. Передние и задние фары ее «фолика» вспыхнули, в салоне тоже включился свет. Ника торопливо прошла по холодным плитам дорожки, только теперь вспомнив, что в суматохе забыла надеть тапки. Усевшись за руль, она схватила крошечный мобильник и стремительно набрала номер службы спасения, чтобы вызвать полицию и «скорую помощь».

Одновременно вырулила к центральному входу.

– Служба спасения, – послышался невозмутимый женский голос, обладательница которого явно изнывала от скуки.

– Ограбление в поселке Дубрава, улица Баррикадная, 40. Это дом отставного судьи Виленского, – сообщила Ника.

– Откуда вы звоните? – перебила ее оператор.

– Я нахожусь по тому же адресу. Телефонные провода перерезаны. Электрический кабель тоже. Я звоню со своего сотового.

– Вы в доме?

– Да. Двое мужчин…

– Они тоже в доме?

– Да.

– Они вооружены?

– Не знаю. Оружия я не видела, в доме нет света.

– Пожалуйста, покиньте дом. Патрульная машина уже выехала к вам. Она будет на месте через несколько минут.

– Пришлите и «скорую помощь», – попросила Вероника.

В холле она убедилась, что с судьей все в порядке, потом осветила лучом фонарика двух неизвестных на полу. В том, что кто-нибудь из них сумеет без помощи покинуть дом, Ника сомневалась. Вопли из-под сейфа утихли, сменившись душераздирающими стенами и бранью. Второй грабитель, которого она сбила с ног ударом в висок, вообще не шевелился.

– «Скорая»?

– На одного из грабителей упал тяжелый сейф, возможно, у него сломаны ноги, а наследство превратилось в яичницу. Второй грабитель упал сверху.

– Тот, на кого упал сейф, без сознания?

– Нет, в сознании. А второй – нет.

– Почему?

– Я ударила его в висок.

Виленский обернулся, усмехнулся и показал Нике большой палец.

– Значит, оба обезврежены?

– Да. – В этот момент связанный детина приподнял голову и застонал. – Кажется, он приходит в себя. Пошевелился. Но он связан телефонным шнуром.

Последовала пауза.

– Я повторю, чтобы убедиться, что правильно вас поняла. Один грабитель был без сознания, но постепенно приходит в себя; он связан телефонным шнуром.

– Все верно.

– Второй придавлен тяжелый сейфом, возможно, у него сломаны ноги и повреждены гениталии.

– Правильно.

– Ну и ну! – послышался второй, мужской, голос.

Оператор службы спасения не утратила профессионализма:

– К вам уже едут патрульная машина и две «скорые». В доме есть еще пострадавшие?

– Нет.

– У вас есть оружие?

– Только пистолет.

– Пистолет? У вас?

– Сейчас он у судьи Виленского.

– Попросите его убрать оружие.

– Да, конечно.

Ни один полицейский в здравом уме не войдет в погруженный в темноту дом, хозяин которого держит в руках пистолет. Ника передала просьбу старику. Тот сначала взбунтовался, потом подчинился и убрал пистолет в ящик буфета. Состояние грабителей было настолько плачевным, что держать их под прицелом стало незачем – Пистолет убрали.

– Хорошо, спасибо. Будьте добры оказать полиции помощь.

– Разумеется. Пойду встречу патрульную машину.

Оставив Виленского присматривать за пленниками, Ника поспешила к воротам и едва успела распахнуть одну из створок, как из-за поворота вылетели две машины с включенными мигалками. Они остановились у крыльца.

– Полиция прибыла, – сообщила она оператору, висевшему до сих пор на телефоне. – Спасибо вам.

– Рады помочь. Всего хорошего.

Вероника отключила связь. К ней приближались двое полицейских в форме, с ладонями на кобурах. Из передатчиков в машинах доносились треск и обрывки непонятных сообщений, вспышки вращающихся мигалок придавали ухоженной лужайке сходство с необычной безлюдной дискотекой. Соседи справа включили наружный свет, заметив прибытие полиции.

Ника поняла, что вскоре вся округа будет взбудоражена ночным происшествием, но лишь немногим соседям хватит смелости явиться к судье Виленскому и полюбопытствовать, в чем дело. Остальные будут довольствоваться слухами.

– Пистолет лежит в буфете, в холле, – сообщила она полицейским.

Они оба были напряжены, оружие не доставали, но ладони по-прежнему держали на кобурах.

– Он принадлежит мне. Разрешение на ношение имеется. Не знаю, вооружены ли грабители, но сейчас они обезврежены. Их караулит Виленский Аркадий Юрьевич – хозяин дома, отставной судья.

– Как ваша фамилия, гражданка? – спросил один из полицейских, приближаясь к входной двери и водя фонариком из стороны в сторону.

– Вероника. Вероника Тропарева. Я служу у судьи Виленского.

Ника заметила, как многозначительно переглянулись полицейские: на прислугу она ничуть не походила. Но к такой реакции она давно привыкла.

Полицейский что-то пробормотал в наплечный передатчик. Ника провела обоих мимо лестницы в темный коридор. Лучи фонарей осветили двух мужчин на полу и рослого, худощавого седого старика на безопасном от них расстоянии.

Грабитель, которого сбила Ника, уже пришел в себя, но еще ничего не понимал. Заморгав, он промямлил: «Что случилось?» – но никто не удосужился ответить ему. Второй, под сейфом, то всхлипывал, то чертыхался, пытаясь столкнуть с себя тяжесть. Но ему не хватало силы, не удавалось даже дотянуться до лица и вытереть нос.

– Что с этим? – Один из полицейских направил луч фонаря в лицо связанному вору.

– Я ударила его в голову.

– Чем? – Офицер присел на корточки и быстро, но тщательно осмотрел связанного.

– Пяткой.

Офицер удивленно вскинул голову. Ника пожала плечами.

– Попала в висок. – Она не стала объяснять, как долго отрабатывала этот удар. Если понадобится, она все расскажет, но пока полицейским незачем знать о том, на что она способна.

Ника и Виленский предпочитали скрывать, что она не только помогает по дому, но и служит телохранителем.

При обыске обнаружился нож с длинным выкидным лезвием.

– Они переносили вещи на террасу.

Где-то неподалеку взревели сирены, сразу несколько, возвещая прибытие целого кортежа полицейских машин и «скорых». Вскоре дом уже кишел людьми.

– Я пока посижу вон там, – сообщила Ника полицейским, указывая на лестницу.

Офицер кивнул. Ника устроилась на четвертой ступеньке, чтобы не путаться под ногами. Ей предстояло немало работы: сначала починить свет, потом телефон. Поскольку сигнализация с автономным питанием не сработала, значит, грабители испортили и ее.

Так или иначе, придется проверять работу всех систем. Возможно, понадобится заменить и застекленные двери на террасе, но с этим можно подождать до утра.

Составив список дел и определившись с порядком действий, Вероника набрала на мобильном номер диспетчера подстанции, чтобы сообщить о перерезанном кабеле. Как и полагалось опытному дворецкому, а именно так официально называлась ее должность, Ника наизусть помнила все важные телефонные номера.

Глава 2

Был уже второй час ночи, когда ему сообщили об ограблении в Дубраве. Кирилл Федоров направлялся домой, но сообщение настолько заинтересовало его, что он развернул свою машину и погнал ее в поселок. Правда, патрульные не вызывали следователя, но в последнее время Кириллу недоставало развлечений.

Адрес ему не потребовался. Возле искомого дома образовалась целая пробка из машин с мигалками.

Он снял с крючка спортивный пиджак и надел его поверх выцветшей черной тенниски.

Возле дома суетились люди в самых разных формах – полицейские, пожарные, врачи, санитары. В окнах всех соседних домов горел свет и виднелись головы любопытных обитателей, но лишь немногие решились покинуть свои дома и собраться на улице. В конце концов, дело происходило в элитном поселке, а его жители отличались хорошими манерами.

Кирилла поприветствовал старший офицер смены Юра Бугров:

– А ты что здесь делаешь, Кира?

– И тебя с добной ночью, Юрец! Я уже ехал домой, случайно услышал забавный вызов и решил сделать крюк. И вот я здесь. Так что стряслось?

Бугров подавил усмешку. Простые смертные понятия не имеют, сколько забавного в работе полицейского. Конечно, немало и страшного, отталкивающего, отчего полицейских порой тянет напиться и забыться. Но смешного все-таки больше. Столько же, сколько чокнутых на свете.

– Два смышеных парня перерезали телефонный и силовой кабели, отключили сигнализацию. Похоже, думали, что старик живет здесь один и даже не проснется. Но как же в таком шикарном дворце да без дворецкого? Смышеные парни как раз выносили здоровенный сейф, который не смогли открыть на месте, когда дворецкий подставил одному из них подножку. Грабитель, конечно, грохнулся на пол, сейф – сверху, а дворецкий так саданул второго в голову, что тот сразу вырубился. На всякий случай она связала его телефонным шнуром. – Юра хмыкнул. – Сейчас тот детина уже в сознании, но еще ничего не соображает.

– Кто, говоришь, связал его? – переспросил Кирилл, уверенный, что услышался.

– Она же и связала.

– Так этот дворецкий – женщина?!

– Вот именно!

Кирилл фыркнул:

– Да уж… – Он слышал, что со стариком живет женщина, но сомневался в том, что она исполняет обязанности дворецкого.

– В общем, это их легенда, и они держатся за нее. – Бугров огляделся. – Раз уже ты здесь, может, допросишь каждого, пока они не сговорились?

– Конечно.

Кирилл вошел в просторный холл. В нем уже успели установить фонари с автономным питанием, поэтому он быстро осмотрелся и направился туда, где виднелась толпа. Машиной он принюхался, по привычке ища запах алкоголя или травки. Странные дома у этих богачей. Даже пахнут по-другому, словно построены из особых материалов, не таких, какие идут на строительство домов простых людей. Кирилл уловил слабые запахи цветов, мебельного лака, изысканного ужина, но ни алкоголя, ни табачного дыма, ни просто табака не учуял.

В коридоре он некоторое время постоял, изучая обстановку. Врачи и санитары хлопотали вокруг парня на полу. Рядом громоздился старый сейф. Парень стонал; ему только что наложили шины, а на пах водрузили пакет со льдом. Собирались его унести. Второй граби-

тель, здоровенный детина, сидел на полу со скованными за спиной руками. Детина отвечал на вопросы врача, который светил ему фонариком в глаза, и было ясно, что он еще не очухался.

Рослый худощавый старик со встреваными редкими седыми волосами стоял слева, никому не мешая, и спокойно отвечал на вопросы полицейского офицера. Старик держался с поразительным достоинством, хотя был в пижаме, халате и шлепанцах. Отвечая на вопросы, он не переставал наблюдать за происходящим и в то же время давал точные и четкие ответы.

Справа, на четвертой ступеньке лестницы, сидела женщина в светлой легкой пижаме, разговаривая по мобильному телефону. Босые ступни были сдвинуты вместе. Густые темные волосы взлохмачены, словно она только что выбралась из-под одеяла. Должно быть, так и было. Он сразу понял, что она живет в этом доме.

Даже в пижаме, без макияжа и непричесанная, женщина показалась ему миловидной. Нет, не просто миловидной, а красивой, насколько Кирилл мог судить в такой ранний час. Да, счастье не купишь, зато деньги позволяют дряхлым старикам покупать молодых красоток. Эта мысль его отрезвила, заставив вспомнить о деле.

Он ощутил приступ знакомого раздражения, которое почти не покидало его последние два года, и понял, что несправедлив к незнакомке. А что делать? Любой мужчина станет раздражительным, сначала обнаружив, что его жена – лживая, коварная тварь, а потом выдергав утомительную и гнусную процедуру развода. Чтобы без помех взяться за работу, Кирилл абстрагировался от раздражения, отодвинув его в сторону, словно живое существо. Ему и без того хватало забот.

Кирилл подошел к полицейскому, который стоял над детиной в наручниках и внимательно слушал, что говорит врач.

– Привет, помощь нужна?

Полицейский удивленно вскинул голову, увидев Кирилла на работе. В ту же секунду грабитель метнулся вперед, сшиб с ног врача и вскочил с неожиданным проворством. Кирилл, опередив полицейского, бросился за ним. Краем глаза он успел заметить, что женщина, сидевшая на ступеньке, тоже вскочила.

Он развернулся на левой ноге и нанес правой ступней точно рассчитанный удар прямо в солнечное сплетение детины. Удар был силен. Противник обмяк и сел на пол, захлебываясь воздухом. На помощь уже спешили еще двое полицейских. Убедившись, что все под контролем, а детине понадобится еще несколько минут, чтобы отдышаться, Кирилл повернулся к врачу, который неуверенно поднимался, зажимая окровавленный нос.

– Похоже, он притворялся.

– Похоже на то. – Врач вытер нос марлей из своих запасов. – А что с ним теперь?

– Просто задохнулся. Удар был не слишком сильным.

Мощным ударом в солнечное сплетение можно остановить сердце, сломать грудину и повредить внутренние органы. А Кирилл умудрился не сломать детине не единого ребра.

К ним подошел Юра Бугров:

– Может, возьмешь на себя бумажную работу, Кирилл?

Бумажная работа – проклятие каждого мента. Но Кирилл так извелся от скуки, что рад был даже такому занятию.

Юра кивнул в сторону молодой женщины, которая успела опять сесть на ступеньку и возобновить разговор по мобильному.

– Допроси ее, Кирилл, пока мы разберемся с этим Рэмбо.

– С удовольствием, – чистосердечно ответил Федоров.

Его заинтересовала реакция незнакомки на попытку грабителя удрасти. Она не вскрикнула, не побежала прочь – просто вскочила, плавно, не теряя равновесия и не сводя глаз с детиной. Если бы Кирилл не успел остановить его, это сделала бы она. Именно поэтому ему не терпелось допросить ее.

Он направился к лестнице. Свет фонарей бил ему в спину, ярко освещая лицо незнакомки. Она продолжала спокойно и сосредоточенно говорить по телефону, но, заметив Кирилла, прикрыла микрофон пальцем и попросила подождать минутку.

Как полицейский, Кирилл не имел привычки кого-либо ждать. В нем опять шевельнулось раздражение, но его тут же сменила ирония. А может, он и вправду плохой человек, о чём постоянно твердила бывшая жена?

К тому же на сожительницу старика было просто приятно смотреть.

Изучая ее, Кирилл машинально составлял описание: темные волосы длиной почти до плеч, черные глаза. Пожалуй, волосы каштановые, а глаза карие, но точный оттенок и тех и других он не смог определить. Отблеск фонарей играл на волосах, придавая им насыщенный цвет темного шоколада, а глаза были еще темнее.

На вид ей под тридцать… или немного за тридцать. Рост под метр семьдесят, может, больше. Но вдруг он понял, что впечатление высокого роста создает почти военная выпрявка женщины. Вес – килограммов шестьдесят. Кожа гладкая, чистая, напоминающая сливочное мороженое настолько, что Кирилла так и тянуло поцеловать ее.

Закончив разговор, незнакомка подала ему руку:

– Простите, что заставила вас ждать. Я – Вероника Тропарева.

– Следователь Федоров…

Ее ладонь оказалась миниатюрной и прохладной, но пожатие – неожиданно крепким.

– Не могли бы вы рассказать подробно, что здесь произошло?

– С удовольствием. Не хотите ли присесть?

Кирилл сообразил, что на узкой лестнице им придется соприкасаться плечами, а это наверняка помешает работе. Он сразу заметил, что рядом с этой женщиной его слишком часто посещают неуместные мысли. Взяв себя в руки, он отступил на безопасное расстояние и сосредоточился на допросе.

– Спасибо, я постою. – Он извлек из кармана пиджака блокнот и открыл чистую страницу. – Итак, ваше имя?

– Вероника Тропарева, – раздельно продиктовала она.

– Это вы обнаружили, что в дом проникли грабители?

– Да, я.

– Вы запомнили точное время, когда это произошло?

– Нет, у меня на тумбочке стоят электронные часы. Но, по-моему, я проснулась немногим более получаса назад.

– Что вас разбудило? Шум?

– Нет. Я живу над гаражом, услышать оттуда шум в библиотеке я не могла. Грабители перерезали силовой провод, холодильник у меня в комнате перестал жужжать. Поэтому я и проснулась.

– Что же было дальше?

Ника как можно точнее передавала подробности недавних событий, с неловкостью сознавая, что одета только в тонкую пижаму, а ее ноги босы. Как досадно, что она не успела сбегать наверх за халатом и тапками! А заодно хоть немного причесать волосы!

Мысленно посмеявшись над собственной глупостью, Ника с недовольством отметила, что ее сердце по-прежнему бьется слишком быстро – с тех пор как она заметила вошедшего в дом Федорова. По какому-то неизвестному закону химии, биологии, а может, биохимии Нику мгновенно потянуло к этому человеку. Это случилось неожиданно, прозвучал некий сигнал, заставивший ее вспомнить, почему вертится этот мир. Этот сигнал она слышала и раньше, но таким громким и настойчивым он был впервые. Он наполнял Нику тайным трепетом; это было все равно что кататься на американских горках, но при этом не отрываться от земли.

Она перевела взгляд на правую руку следователя. Кольца нет, но это еще не значит, что он холост и одинок. Мужчины такого типа редко бывают одинокими. Не то чтобы он был классически красив – лицо грубоватой лепки, на щеках и подбородке тень щетины, темные волосы подстрижены слишком коротко. Однако почему-то он выглядел более красивым и мужественным, чем все мужчины вокруг, будто всеми порами выделял тестостерон, и женщины чувствовали это. Не могли не чувствовать. К тому же его тело было мускулистым. Свободная черная тенниска и пиджак скрывали мышцы, но Ника знала, как двигаются и держатся мужчины в прекрасной физической форме. К сожалению, Федоров совсем не умел улыбаться и не желал учиться этому искусству.

Его фигуре Ника отдала должное, а о недостатках характера мысленно пожалела.

– В каких отношениях вы состоите с судьей Виленским? – осведомился он нейтральным тоном на грани равнодушия. Он смотрел на нее снизу вверх, резкие тени на его лице мешали понять, что оно выражает.

– Аркадий Юрьевич – мой работодатель.

– Чем же вы занимаетесь?

– Я экономка, точнее, то, что в мужском варианте называется «дворецкий».

– Дворецкий… – повторил он так, словно впервые слышал это слово.

– Я занимаюсь домом, – объяснила Ника.

– И что это значит?

– У меня масса обязанностей: надзор за приходящей прислугой, организация ремонта и всевозможных услуг, иногда приготовление пищи. Я должна следить, чтобы одежда Аркадия Юрьевича была чистой, обувь – начищенной. Чтобы машина была в исправности, заправлена и ее регулярно мыли, а счета – оплачивали. Чтобы судье не досаждали те, кого он не желает видеть.

– Ясно… – Кирилл просмотрел свои записи. – Стало быть, дворецкому полагается владеть боевыми искусствами?

Изумившись, Ника задумалась: чем она выдала себя? Разумеется, она не могла не заметить великолепный удар, которым следователь свалил с ног детскую-вора, и сразу поняла, что он знает толк в боевых искусствах.

– Нет, – бесстрастно отозвалась она.

– Значит, это ваше хобби?

– Не совсем так.

– Не могли бы вы объяснить точнее?

– Помимо всего прочего, я – профессиональный телохранитель. – Она понизила голос. – Аркадий Юрьевич не любит афишировать это, но в прошлом ему не раз угрожали смертью, поэтому его родные решили приставить к нему охрану.

До сих пор Кирилл держался профессионально, но теперь взглянул на Тропареву с легким удивлением и откровенным интересом.

– В последнее время судье угрожали?

– Нет. Честно говоря, я считаю, что он вне опасности. Я служу у него почти три года, и за это время ему ни разу не угрожали. Но когда он заседал в суде, несколько человек грозили ему смертью, и это заставило его близких, особенно дочь, принять меры, на всякий случай.

Кирилл вновь сверился со своими записями.

– Значит, ваш удар – это не счастливая случайность?

Ника мимолетно улыбнулась:

– Надеюсь, нет. Как и ваш удар.

– Какими боевыми искусствами вы занимаетесь?

– В основном карате, чтобы поддерживать форму.

– А какой у вас пояс?

– Коричневый.

Кирилл коротко кивнул:

– А еще? Вы сказали «в основном».

– Еще кикбоксингом. Но какое отношение это имеет к расследованию?

– Никакого. Просто мне стало любопытно. – Кирилл захлопнул блокнот. – Кстати, никакое это не расследование, а предварительный допрос. Для отчета.

– Почему же к расследованию еще не приступили? – возмутилась Ника.

– Преступники пойманы с поличным, вещи Виленского найдены в их машине. Расследовать нечего. Осталось только покончить с бумажной работой.

Ему – может быть, а ей еще предстоит обратиться в страховую компанию, заменить раздвижные застекленные двери на террасе и купить телевизор взамен разбитого. Виленский обожал свой огромный экран и уже успел обмоловиться, что хотел бы иметь телик побольше.

– Обязательно ли отражать в отчетах тот факт, что я – телохранитель судьи? – осведомилась она.

Кирилл уже собирался отойти, но, услышав вопрос, остановился и недоуменно поднял брови:

– А в чем дело?

Вероника снова понизила голос:

– Аркадий Юрьевич предпочитает умалчивать об этом. По-моему, он стесняется того, что дети ему наняли охрану. Друзья завидуют ему, потому что у него молодая помощница по дому. Можете представить себе, какие шутки они отпускают на этот счет. А если угрозы не пустые слова, лучше было бы, чтобы никто не знал, что я охраняю судью.

Кирилл хлопнул блокнотом по ладони, его лицо по-прежнему было непроницаемым. Поразмыслив, он пожал плечами и заявил:

– Это к делу не относится. Я просто полюбопытствовал.

Он не улыбнулся, зато Ника просияла с неподдельным облегчением:

– Спасибо!

Кирилл кивнул и отошел. А Вероника с сожалением вздохнула – красивая упаковка оказалось пустой.

* * *

За беспокойной ночью последовало суматошное утро. Уснуть Ника так и не смогла, но и заняться ей было нечем. Без электричества на электрической плите было невозможно приготовить завтрак. Постирай. Или хотя бы погладить.

Они поели хлопья с холодным молоком, обезжиренный йогурт и свежие фрукты. Ника покорно выслушала брюзжение старика о том, что ему полезная пища якобы вредна. Не получили они и свой ежеутренний горячий кофе, отсутствие которого ее очень расстроило.

Блестящая идея привела Нiku к соседям Хромовым, где она провернула бартерную сделку с поварихой бабой Настей: краткий отчет оочных событиях в обмен на пузатый термос свежего кофе.

Вооружившись запасом кофеина, Ника вернулась домой и успела успокоить рассердившегося было судью. Выпив с ним за компанию чашечку кофе, она вновь воспрянула духом.

Ради достижения целей Ника порой не стеснялась быть назойливой. После ее очередных двух звонков электрикам к дому подъехала аварийка.

Худосочный электрик лениво взялся за дело. Через полчаса в доме ожила вся техника, а ремонтник, получив чаевые и чашку кофе из термоса, убрался прочь.

Дозвониться до телефонной компании было гораздо сложнее: никому не известное руководство позаботилось о своем комфорте, предоставив клиентам возможность либо оставлять

сообщения на автоответчике, либо пробиваться по вечно занятому номеру и в течение неопределенного времени ждать, когда их наконец соединят с диспетчером. Упрямства Нике было не занимать, ее любимый телефон весил всего ничего, неограниченный тариф позволял ждать сколько угодно. Вот она и ждала, и незадолго до полудня ее упорство было вознаграждено: очередная аварийка подвезла к дому самую ценную и неуловимую из разновидностей рода человеческого – хомо ремонтикус.

Как только провод был заменен, телефон начал буквально разрываться от звонков. Все друзья Виленского уже услышали о ночном происшествии и жаждали подробностей. Какой-то доброжелатель позвонил сыну Виленского, а тот сообщил сестре. На звонок сына старики ответил охотно, но болезненно поморщился, когда на определителе высветился номер дочери. Катерина не только чрезмерно заботилась о престарелом отце, но и была самой сильной натурой из его двоих детей. По мнению Ники, напору Катерины мог бы позавидовать даже танк. Тем не менее ей нравилась эта энергичная, добрая, пусть и чересчур беспокойная женщина.

Страховой агент прибыл, пока судья беседовал с дочерью. Поэтому Нике самой пришлось рассказывать о нанесенном ущербе и предоставлять всю необходимую информацию для заполнения заявки о возмещении.

Как раз в эту минуту в кабинет вошел довольный Виленский.

– Догадайся, кто звонил?

– Катерина, – уверенно ответила Ника.

– Нет, после нее. Какой-то тележурналист хочет подготовить репортаж о нас.

– О нас? – непонимающе переспросила Ника.

– Точнее, о тебе.

– Но почему? – изумилась Вероника.

– Потому, что ты предотвратила ограбление, ты еще очень молода и служишь дворецким. Его заинтересовала твоя работа. Он заявил, что этот сюжет представляет интерес для человеческого сообщества. Они приедут завтра утром.

Ника сумела скрыть недовольство. Второй день ее жесткий график будет нарушен. Но старики искренне радовались тому, что его любимицу покажут по телевизору. Все его друзья-пенсионеры не утратили духа соперничества. И по привычке состязались в чем могли: играли в покер и шахматы, рассказывали анекдоты – постоянно старались переплюнуть друг друга. Теперь у судьи появилось завидное преимущество. И даже в отсутствие этой причины она не смогла бы отказаться от интервью: Виленский ее работодатель.

– Я подготовлюсь, – пообещала Ника, уже начиная мысленно корректировать свой график, чтобы ничего не забыть и не упустить.

Глава 3

...По утрам он неизменно смотрел один из местных каналов, одновременно прихлебывая чай и просматривая рабочую документацию. Телевизор немного отвлекал от работы, не давая сосредоточиться на бумагах, но ему нравилось быть в курсе местных событий, чтобы было что обсуждать с коллегами и знакомыми. Его живо интересовало все. Он считал город своим домом, а у себя дома он должен был знать и контролировать все.

Например, город и область явно процветали. Инфраструктура была самой развитой в центральном регионе, не считая столицы и Московской области.

Уровень доходов на душу населения тут был очень даже неплохим. Множество заводов и фабрик. Медицинских центров и клиник, учебных вузов. Лечиться и учиться сюда съезжались со всей страны.

Городок стал приютом профессионалов в самых разных сферах. Спальные районы соседствовали с особняками и настоящими дворцами, на которые изумленно таращились все, кто впервые приезжал в город. В поселке Дубрава в отличие от города жили только очень богатые и преуспевающие люди. А еще нувориши. Так называли тех, кому в последние несколько лет крупно повезло и они быстро разбогатели. Тех, у кого напрочь отсутствовал вкус. И кто не знал, что делать с деньгами.

Выскочки, взлетевшие из грязи – в князи.

Собственный дом был его отрадой и гордостью – трехэтажное здание из серого камня, ухоженное и любовно обставленное. Общая площадь – более восьмисот квадратных метров. Пять спален, шесть ванных комнат. Четыре настоящих камина, отделанных дорогим мрамором, восточные ковры – самые лучшие, какие можно было приобрести. Бассейн удачно вписан в ландшафт небольшого парка и напоминает живописный грот. В нем была устроена хитроумная подсветка, серебристые струи воды стекали по камням. Дом окружало более полутора гектаров земли с разными хозпостройками, парком, садом, прудиками и полянками. Весь участок обнесен высокой, красивой стеной из серого камня. Огромные кованые чугунные ворота, особая его гордость, стерегли вход в его владения. По всему периметру, на самом участке и в доме была установлена лучшая из существующих систем охраны: датчики движения, видеокамеры, детекторы тепла, стандартные сирены, срабатывающие при контакте. Он подумывал о системах с лазерными лучами.

Когда он хотел пообщаться с миром – он шел в этот мир. А миру доступ к нему был закрыт!

Одни работники ухаживали за газонами, парком и садом.

Другие чистили бассейн и прудики.

Кухарка приходила в три часа, пекла булочки и готовила ужин.

По утрам он предпочитал одиночество. Под телевизор просматривал деловую документацию и завтракал булочками с чаем.

Обедал он в маленьком уютном ресторанчике рядом с работой.

Словом, он был доволен своей жизнью.

Особое удовольствие ему доставляли мысли о том, как он добился всего этого. Если бы он просто позволил событиям идти своим чередом, сейчас у него не было бы ни дома, ни парка, ни бассейна. Но ему хватило ума понять, что отец и дальше будет принимать одно неудачное решение за другим, пока не разорится вконец.

Ему оставалось только одно – вмешаться.

Мать поначалу горевала, но потом смирилась и прожила в комфорте свои последние девять лет, пока сердечная болезнь не прикончила ее.

Как приятно знать, что человеку даровано право выполнять свой долг! И самому устанавливать для себя рамки!

Под негромкое бормотание телевизора он закрыл ноутбук и зевнул. Краем уха он уловил несколько слов из передачи, которые его заинтересовали. «Вы когда-нибудь задумывались о том, каково было бы иметь дворецкого? – послышалась отчетливая речь ведущего. – Для этого не надо родиться особой королевских кровей, можно быть одним из обычных людей. Правда, очень хорошо обеспеченных, так как услуги дворецкого высоко оплачиваются и не каждый преуспевающий человек может себе его позволить.

А дворецкий, о котором мы расскажем, – женщина. После блока новостей мы познакомим вас с этой суперэкономкой».

Заинтересовавшись, он отложил свои дела. Дворецкий? Любопытно… О том, чтобы обзавестись постоянной прислугой, он никогда не задумывался – не потерпел бы такого вмешательства в свою личную жизнь, но женщина-дворецкий – это звучит заманчиво. Люди наверняка обратят внимание на этот сюжет, значит, его стоит посмотреть.

Закончился рекламный блок, началось вступление ведущего, на экране возник большой дом (намного меньше его собственного) в окружении цветника и сада. Затем перед камерой появилась молодая темноволосая женщина. Девушка… Стройная и подтянутая, в черных брюках, белой блузке-рубашке и коротком облегающем черном кожаном жилете. Женщина варила кофе.

– Это Вероника Тропарева, – сообщил тележурналист, – ее рабочий день совсем не похоже на ваш.

– Аркадий Юрьевич Виленский, у которого я служу, очень любит утром чашечку свежесваренного ароматного кофе, – объяснила Вероника Тропарева энергичным низким голосом, изредка поглядывая в объектив.

Он выпрямился, как ужаленный, немигающим взглядом впившись в экран. Вероника. Ее зовут Вероника. Идеальное для нее имя. Как и ее внешность – не броская, не стильная, а идеальная классическая.

Очень темные глаза, как смородинки. Светлая чистая кожа. Блестящие каштановые волосы зачесаны назад и собраны в аккуратный узел на затылке.

Словно загипнотизированный, он не мог отвести глаз от экрана. Вот оно – совершенство! Он редко встречал такое в жизни, а когда встречал, делал все возможное и невозможное, чтобы оно принадлежало ему.

У него заколотилось сердце, рот наполнился слюной, в пауху стало тесно. Как она опрятна, подтянута. Как рассчитаны и легки ее движения! Он сомневался, что она умеет непристойно хихикать, скривив губы.

Затем камера показала ее хозяина – рослого, худого, седого старика в очках, с узким оживленным лицом, на котором выделялся мясистый нос.

– Без нее я как без рук, – бодро объяснил старик. – Весь дом держится на Нике. Что бы ни случилось – она все уладит.

– Вероника доказала это пару дней назад, когда в дом вломились грабители, – сообщил автор сюжета. – Она сама обезвредила их, когда они пытались вынести из дома антикварный сейф.

Камера повернулась к Нике.

– Сейф был очень большой и тяжелый, они не удержали равновесие, – просто и скромно объяснила она.

По его спине побежали мурашки восторга, он замер, ожидая, что Вероника скажет что-нибудь еще. Ему хотелось вновь услышать ее голос. Затем оператор показал, как Ника открывает перед престарелым хозяином дверцу «мерса», обходит машину и садится за руль.

– Вероника – опытный водитель, – прозвучал голос за кадром, – с дипломом курсов безопасного вождения.

– Она заботится обо мне, – вмешался старик, улыбаясь от уха до уха. – Даже иногда готовит еду.

В кадре опять появилась Ника.

– Моя задача – максимально облегчить жизнь моему работодателю, – объяснила она.

Никогда прежде он никому не завидовал, а теперь пытал завистью к этому старику. Почему ему так повезло? Ему хватило бы и приходящей сиделки, какой-нибудь Дуси-Маруси. Разве он в состоянии понять, какое сокровище, истинное совершенство ему досталось?

Снова ведущий:

– Профессия дворецкого относится к редким даже за границей, а у нас в России – и подавно. Среди дворецких почти нет женщин. Их услуги обходятся недешево. Но отставной судья Виленский Аркадий Юрьевич может себе это позволить. После выхода в отставку он организовал успешный бизнес, который преумножили и ведут его дети.

– Ника – член нашей семьи, – заявил старик, и на экране опять возникла Вероника, которая ставила на поднос кофейник.

«Ее место здесь! – билась в голове у него яростная мысль. – Она должна служить мне».

Он запомнил имя старика – Виленский Аркадий Юрьевич. Значит, деньги для него не проблема? Ладно, посмотрим. Так или иначе, у Вероники скоро будет новый хозяин.

* * *

Старик Виленский довольно хлопнул себя по коленям:

– Отличный эпизод, правда?

– Выглядит лучше, чем я думала, – сухо отозвалась Ника, собирая посуду после завтрака. – Не понимаю только, зачем для минутного сюжета понадобились такие долгие съемки.

– Ну, это же телевидение, им нужны километры отснятой пленки, чтобы было что потом вырезать. По крайней мере, они не приврали. А когда я служил в суде и мне приходилось давать интервью, журналисты вечно что-нибудь путали.

– Значит, в кругу друзей вы теперь герой?

Старик смущился, но не выдержал и широко усмехнулся.

– Как минимум на две недели, – подтвердил он.

Ника улыбнулась:

– В таком случае – игра стоит свеч!

Судья выключил ноутбук – не записать передачу на флешку он просто не мог.

– Сделаем копии для детей, – решил он.

Ника кивнула:

– Если хотите, я сделаю их. У меня валяется несколько пустых флешек.

– Если честно, эту техническую белиберду я с трудом понимаю. Ей-богу – у меня технический кретинизм.

– Видео можно скинуть по мейлу. Пара секунд – и оно будет в почте у ваших детей.

– Ладно. Скидывай. Но и на флешки запиши.

Ника улыбнулась. Судья завис еще в эпохе рукописных писем и первых видеомагнитофонов. Никак не мог привыкнуть к мысли, что любую инфу можно за секунды скинуть кому и куда надо. Для него привычней был стационарный телефон, чем мобильник, который он категорически отказывался покупать. И ручку, естественно, предпочитал клавиатуре. Ноутбуком пользовался очень редко. Быстрее можно было убедить его питаться здоровой пищей, чем выйти в скайп.

– Не забудьте, сегодня в три вас ждет врач.

Старик взбунтовался:

– Не понимаю, зачем надо опять сдавать кровь! Я стал питаться по-другому, уровень холестерина наверняка снизился.

Он даже не подозревал, что стал питаться правильнее, и уже давно.

Они с кухаркой много колдовали с едой судьи, чтобы она была менее вредной, а он ничего не заподозрил.

– В три часа, – повторила Ника. – А если вы отмените прием, я сообщу Кате.

Виленский возмущенно подбоченился:

– Ника, твои родители знают, что вырастили настоящего тирана?

– Разумеется, – подтвердила Ника. – Папа сам давал мне уроки тирании. По этому предмету я прекрасно успевала.

– Знаю, иначе не нанял бы тебя, – буркнул старик, поспешно ретируясь к двери библиотеки. – Как только я увидел в анкете, что твой отец – военный, сразу понял, что с тобой шутки плохи.

Мать с отцом живут в подмосковной Балашихе. Братья – в Москве. Они тоже военные, как и их отец – отставной полковник.

Вся семья обеспокоена ее явным нежеланием выходить замуж и обзаводиться детьми.

А ей уже тридцатник!

Нет, когда-нибудь она обязательно выйдет замуж, но прежде осуществит свой большой план. Свою золотую мечту!

Она зарабатывает в год около полутора миллионов рублей. На себя почти ничего не тратит. Расходы на машину и одежду – пустяк.

К тому времени, когда она будет готова осуществить свой план, у нее будет достаточная для этого сумма.

Ника ни за что не ушла бы от судьи по своей воле, но она была реалисткой и знала, что жить ему осталось всего пару лет. Все признаки налицо: несмотря на их старания снизить его уровень холестерина, Виленский уже перенес серьезный сердечный приступ, который встревожил его давнего друга кардиолога.

За последние полгода старик заметно ослабел. Его рассудок ничуть не помутился, но минувшей зимой он постоянно хворал, и болезни понемногу изнуряли его. Если удастся убедить его от нового сердечного приступа, он еще немного протянет, думала Ника, чувствуя, как подступающие слезы жгут глаза.

Распростишись с судьей, Вероника собиралась отдохнуть годик и попутешествовать по миру.

Это будет просто длинный отпуск в разгар карьеры. Нике нравилась ее работа, но она хотела когда-нибудь обзавестись семьей и одним-двумя детьми, а сначала подарить себе целый год блаженства. Рая.

С самого института она избегала романтических связей, поскольку точно знала: ни один мужчина не отпустит свою девушку, невесту или жену странствовать по миру на целый год – без него...

Семья не понимала ее. Родные считали Нику немного сумасшедшей.

Но выполнение ее плана зависело от старика Виленского, поскольку Ника твердо решила заботиться о нем. Пока он жив.

Глава 4

Ее минуты славы истекли. Все расспросы были закончены. Бумаги подписаны, и Ника с облегчением вернулась к привычной рутине. Ей нравилось следить за порядком в большом доме. Приходящей прислуги в нем было немного, но сам дом казался ей живым существом, за которым постоянно надо ухаживать – пополнять разные запасы, делать кое-какой ремонт, следить за тем, чтобы мелкие неприятности не превратились в серьезные проблемы.

К середине недели соседи, друзья и родные суды перестали поминутно называть ему. В среду Ника обычно брала выходной, зная, что это самый ленивый и медлительный день недели, когда почти ничего не происходит.

По понедельникам и вторникам онаправлялась с делами, накопившимися за выходные. По четвергам и пятницам – готовилась к выходным.

В зависимости от планов Виленского она могла отдыхать в субботу или воскресенье. Обычно Ника старалась приспосабливаться к расписанию хозяина, но он никогда не забывал дать ей выходной.

В свободное время Ника иногда встречалась со знакомыми – очень редко, поскольку избегала серьезных отношений, ходила по магазинам, занималась «девчачими делами». И тренировалась.

В подвале дома она разместила несколько тренажеров и повесила боксерскую грушу. Каждый день она уделяла тренировкам не менее получаса, в дополнение к утренней пробежке. Иногда она успевала все, но если ей приходилось ради тренировки встать пораньше, она так и делала. Оставаться в безупречной форме от нее требовала работа. К тому же Нике просто нравилось ощущать бодрость, упругость мышц и приливы энергии.

Вдобавок к karate и кикбоксингу она занималась дзюдо и стрельбой, каждую неделю проводя на местном стрельбище. Она стреляла неплохо, но стремилась к совершенству, даже когда состязаться приходилось только с собой.

В среду, сделав с утра педикюр и покрыв ногти на ногах перламутровым темно-розовым лаком, Ника в обычный час отправилась на тренировку в частный спортивный зал. Возможно, ее партнерам придется не по вкусу удары босыми ступнями с покрытыми лаком ногтями, но их вид определенно поднимал Нике настроение. Можно просто нанести удар, а можно – стильно и со вкусом. Она предпочитала последний способ.

После тренировки и душа взбодрившаяся Ника позволила себе пообедать в «Подворье», побродила по магазинам и отправилась на открытое стрельбище. На нем тренировались только гражданские, у ментов имелись свои тирсы.

День был по-весеннему теплым, хотя апрель только перевалил за половину. Деревья стояли в цвету. Распустились нарциссы и тюльпаны, на газонах ядовито зеленела подрастающая трава.

Но так бывало не каждый год. Случалось, весна запаздывала, и в конце апреля высились метровые сугробы снега, о жарком солнце и зеленой траве только мечталось.

Когда Ника прибыла на стрельбище, налетел ветерок, но на ней была легкая куртка. Да и ветерок был теплый и приятно ласкал кожу и перебирал волосы. Синоптики обещали похолодание, сопровождающее цветение черемухи, и даже грозы. Но пока погода была идеальной.

Расплатившись и выбрав мишень, Ника надела наушники и направилась к своему месту. Стрельбище располагалось у подножия небольшого холма и было частично врыто в него. Все пули, попавшие в мишень, увязали в глиняном склоне высотой метров десять-двенадцать. Тюки сена по периметру стрельбища были еще одной мерой предосторожности, но с тех пор, как Вероника тренировалась здесь, она не могла припомнить ни единого несчастного случая. Стрелки в основном были серьезными и ответственными людьми.

Когда Ника готовилась к четвертому выстрелу, кто-то подошел и встал у нее за спиной. Не теряя сосредоточенности, она закончила стрельбу. И только потом обернулась.

Незваного зрителя она узнала сразу и испытала легкое потрясение. Ника рывком сняла наушники.

– Следователь Федоров… – начала она и вдруг поняла, что не знает его имени. Простите, я забыла ваше имя…

– Кирилл.

– Ах да! Прошу прощения, – повторила она, не объясняя, почему в ту ночь страдала забывчивостью. Дело не только в грабителях и телефонных звонках, но и в самом Федорове.

Кирилл был одет почти как во время их первой встречи, только без пиджака, зато в джинсах и футболке, на этот раз темно-синей. Трикотаж плотно обтянул широкие плечи, мощные бицепсы и заметные выпуклости грудных мышц. В оценке его телосложения Ника не ошиблась: этот человек был мускулистым, но в меру.

Ника не сразу решилась посмотреть ему в лицо – взгляд отказался подниматься так высоко.

Автоматическая линия услужливо доставила Веронике мишень. Кирилл сам вынул ее из зажимов и взгляделся в причудливый узор отверстий.

– Я наблюдаю за вами с тех пор, как вы пришли. Вы неплохо стреляете.

– Спасибо. – Она перезарядила оружие. – А что вы здесь делаете? У полицейских ведь есть свое стрельбище.

– Я здесь с другом. Сегодня выходной, вот я и слоняюсь по городу.

Ну вот, теперь выяснилось, что у них совпадают выходные. Хотя у полицейских выходной – понятие относительное. Сегодня Кирилл держался чуть дружелюбнее, хотя ни разу не улыбнулся. Ника окинула его быстрым оценивающим взглядом. При дневном свете его лицо по-прежнему выглядело грубоватым, словно его ваяли не резцом скульптора, а плотницким топором. Очевидно, он недавно побрился, и Ника убедилась в том, что у него волевой, резко очерченный подбородок. Нет, он не из красавцев – это сразу видно. Он не юноша, а зрелый мужчина.

– Вы отдыхаете каждую среду? – Черт, зачем ей понадобилось задавать этот вопрос? Какое ей дело?

– Нет. Поменялся с одним следователем. У него свои планы.

Слава богу, мысленно вздохнула Ника. Ей еще ни разу не доводилось приглашать мужчин на свидание, но на этот раз она чуть было не поддалась искущению, хотя и рисковала получить оскорбительный отказ. В то же время она сама возмутилась бы, узнав, что с ней встречаются только ради ее тела.

– Вы могли пристрелить их.

Это заявление сопровождалось внезапным взглядом в упор, и Ника растерянно заморгала. Глаза Кирилла оказались голубыми (это при его темных волосах!), они смотрели твердо и жестко. Взгляд полицейского, от которого ничего не ускользает. Он наблюдал за Никой, изучал ее реакцию.

Ника настолько растерялась, что не сразу сообразила: речь идет оочных грабителях.

– Могла бы, – согласилась она.

– Почему же вы не стали стрелять?

– По-моему, применять оружие не требовалось.

– Оба были вооружены ножами.

– Я об этом не знала, а если бы и знала, то не стала бы стрелять – ведь они не угрожали ни мне, ни судье, они даже не поднялись наверх. Но если бы ситуация развивалась так, что нам

грозила бы опасность, я решила бы открыть стрельбу. – Она помолчала. – Кстати, спасибо, что не упомянули в отчете о том, что я телохранитель.

– Это не относилось к делу. К тому же отчет составлял не я, дело поручено другому.

– Все равно спасибо.

Такой отчет легко мог стать достоянием гласности, любой тележурналист ухватился бы за выигрышный сюжет про дворецкого-телохранителя.

Но во время интервью об этом не было сказано ни слова, а сама Ника и судья Виленский не поднимали щекотливую тему. Достаточно того, что телезрители узнают: судья пользуется услугами высококвалифицированного дворецкого. Упоминание о том, что этот дворецкий еще и охраняет его, могло привлечь нежелательное внимание и вызвать ненужные расспросы.

– Не за что, – отозвался Кирилл, по-прежнему глядываясь в ее лицо. – А ваша речь... вы когда-то служили в полиции?

Как ему удается заставлять ее врасплох? Вероника прекрасно поняла смысл вопроса. У полицейских особый язык, свои словечки и выражения, он очень похож на язык военных. А она, выросшая в среде военных, по-прежнему мысленно называла остальных людей штатскими, но, когда общалась с ними, машинально подстраивалась к их речи. А со следователем Федоровым она, видимо, опять заговорила на привычном языке.

– Общалась с военными.

– Вы служили в армии?

– Нет, мой отец был военным. Братья сейчас служат в армии. Я часто перенимаю у них выражения.

Кирилл коротко кивнул:

– Я тоже из военных. – Из «военных», а не «служил в армии». Вот она, почти неуловимая, но такая значительная разница. Одни – идут в армию, терпеливо ждут окончания службы и уходят из армии навсегда. Другие – посвящают армии всю жизнь и обычно говорят, что они «из военных».

– Долго вы пробыли в армии?

– Семь лет.

Обдумывая этот ответ, Ника установила в зажимах новую мишень и нажатием кнопки отправила ее на позицию. Семь лет. Почему же он ушел? Если бы его уволили за какую-нибудь провинность, путь в полицию был бы для него закрыт. Неужели ранение? И его демобилизовали по состоянию здоровья? Она исподволь окинула взглядом его крепкое тело. Нет, он выглядит совершенно здоровым.

Расспрашивать неудобно – ведь они лишь недавно познакомились. И потом, стоит ли допытываться? Ника вдруг поняла, что действительно хочет побольше узнать об этом человеке. Выяснить, есть ли у него чувство юмора, узнать, что скрывается за этим непроницаемым лицом и взглядом полицейского... А может, ей лучше об этом не знать? Что-то в нем слишком волновало ее. Вызывало необъяснимую реакцию. Должно быть, все дело в малопонятной биохимии, в гормонах или в чем-то еще, но этот человек сумел зацепить ее. Ему было под силу втянуть ее в серьезные взаимоотношения, вмешаться в ее работу и планы.

А может, напрасно она пренебрегает внутренними сигналами? А вдруг именно такого мужчину она могла бы полюбить? Как же быть – хранить верность своему большому плану или махнуть на него рукой?

Опять думать. Опять принимать решение...

Ника спрятала усмешку. Задумавшись, она позабыла об одной очень важной детали: предмет ее мучительных размышлений не испытывает к ней ни малейших чувств. Скорее всего он женат и у него куча детей.

«Оставь его в покое», – посоветовала себе она. Если Кирилл одинок и она его заинтересовала, он сам сделает первый шаг – тогда и придет время принимать решение.

Удовлетворившись этим, она снова надела наушники. Кирилл последовал ее примеру. Взял пистолет левой рукой, Ника обхватила ее запястье правой, для надежности, и методично выпустила в мишень всю обойму. Она настолько привыкла к присутствию критически настроенных зрителей – отца и братьев, что на Федорова не обращала внимания.

Мишень медленно подплыла к ним. Кирилл снял наушники:

– На этот раз вы стреляли с левой руки.

Все-то он замечает.

– Я упражняюсь в стрельбе с обеих рук.

– Зачем?

– Видите ли, я серьезно отношусь к своей работе. В критической ситуации, если меня ранят в правую руку, я все равно обязана защищать подопечного.

Дождавшись, когда приблизится мишень, Кирилл разглядел ее. С левой руки Вероника стреляла немного хуже, чем с правой.

– Слишком уж серьезно вы готовитесь встретить угрозу, которую считаете нереальной.

Она пожала плечами.

– Мне платят не за вычисление вероятности, а за готовность к действиям. Вот и все.

– Эй, Кир!

Федоров обернулся и кому-то махнул рукой:

– Похоже, мой приятель собрался уезжать. Всего хорошего.

Он кивнул и отошел прежде, чем она успела ответить. К нему уже направлялся здоровяк в камуфляже, с пачкой бумажных мишеней. Здоровяк с досадой качал головой. Федоров осмотрел пистолет, умело перезарядил его, встал к барьера и прицелился в новую мишень.

Нике никогда было наблюдать за ним. Ей предстояло расстрелять с левой руки еще три мишени, установленные на разных расстояниях, – только тогда можно будет сказать, что тренировка удалась. Когда же она обернулась, Федоров с приятелем уже ушли.

Глава 5

Убедившись, что новый пистолет Дэна и в самом деле дрянь, Кирилл с приятелем отправились в оружейный магазин, где он был куплен. Почти часовая перепалка с хозяином магазина ничего не дала: пистолет был оплачен, зарегистрирован на Данилу. И теперь все претензии следовало предъявлять к производителю – или перепродать паршивую болванку кому-нибудь простофиле.

Чтобы утешиться, приятели прямиком из магазина направились в пивной бар.

– Сделай заказ и мне, ладно? – попросил Дэн и удалился в туалет.

Кирилл присел за столик и занялся заказами. К тому времени как вернулся Дэн, он уже потягивал кофе.

– Что это за стильная штучка – та, с которой ты разговаривал на стрельбище? – полюбопытствовал Данила, плюхаясь напротив. – Ты с ней спишь?

Кирилл медленно повернул голову и смерил приятеля ледяным взглядом:

– Кто ты такой, черт возьми, чтобы я перед тобой отчитывался?

Дэн одобрительно ухмыльнулся:

– Хорошо сказано. Просто отлично! Ты чуть было не напугал меня. Не возражаешь, если я позаимствую твой тон?

– Да ради бога!

– Так ты спишь с ней или нет?

– Нет.

– А что так? Она замужем?

– Понятия не имею.

– Тогда чего ты теряешься?

– Просто не думал об этом.

Дэн покачал головой и потянулся за своим пивом:

– Слушай, тебе давно пора прийти в себя. Ты пережил скандальный развод, все уже позади. Теперь ты свободен, как пчелка, – значит, пора искать следующий цветок.

Поскольку за плечами у Дэна было уже два развода и теперь он находился в состоянии поиска жены номер три, Кирилл предпочитал не принимать на веру советы приятеля, касающиеся женщин. Данила успешно притягивал их, но удерживать не умел. Однако напоминать об этом другу Кирилл не стал.

– Рано еще, – отозвался он. – Не торопи меня.

– Целый год прошел!

– А может, мне нужно полтора года. И потом, я встречаюсь с женщинами.

Дэн фыркнул:

– Встречаешься, да только эти встречи ни к чему не приводят.

– А зачем?

Он мрачно уставился на свой кофе. Женщины на одну ночь, не знающие запретов в постели, были не в его вкусе. Его тянуло к женщинам, которые ориентировались на длительные отношения, а этого пока не хотел сам Кирилл.

Дело было вовсе не в том, что он до сих пор любил Шурочку – он разлюбил ее в ту же минуту, когда узнал, что она изменяет ему с врачом больницы, в которой работает. Состоялся кошмарный развод: Шурочка ожесточенно сражалась за все, что только могла получить, словно желая наказать его за равнодушие к ней. Кирилл не понимал женщин, по крайней мере таких, как Шурочка: если она не хотела разводиться, зачем искала секса на стороне? Неужели надеялась, что он простит измену, если обо всем узнает? Кирилл подал на развод и этим пробудил в жене почти безумную жажду мести.

Он старался не забывать о справедливости, но и не выставлять себя полным болваном.

Едва узнав о том, что у Шурочки роман на стороне, он снял половину суммы с их общего банковского счета и открыл новый, только на свое имя. Затем он закрыл свои кредитки, вычеркнул имя жены из списка лиц, имеющих право пользоваться ими, что тоже было вполне справедливо – у Шурочки имелись свои кредитные карточки. Но, узнав о том, как он распорядился деньгами, она подняла бурю. Похоже, все выяснилось, когда она уже после разрыва попытала воспользоваться кредиткой мужа – значит, Кирилл поступил правильно.

Он чуть ли не с боем вырвал у нее согласие на развод, но в качестве ответного удара она потребовала отдать ей все: дом, мебель, машину, хотя все это было куплено на его деньги.

Адвокат, которого наняла Шурочка, съел собаку на бракоразводных процессах и придерживался тактики выжженной земли. Кирилла спасло лишь то, что его адвокат тоже не был новичком в своем деле, а проницательная женщина-судья видела Шурочку насквозь. Услышав, что суд будет вести женщина, Кирилл уже решил, что все пропало, но его адвокат только улыбнулся и пообещал: «Это будет забавно».

Свой бракоразводный процесс Кирилл не отнес бы к категории забавных, но результаты вполне его устроили. Поскольку у них не было детей, судья постановила разделить имущество пропорционально доходам супругов. На дом никто из них не претендовал, поэтому его было решено продать, выплатить ссуду, а остаток поделить. Но Шурочка зарабатывала почти вдвое больше, чем ее муж, поэтому Кириллу должно было достаться вдвое больше денег от продажи дома – ведь женушка и без того могла позволить себе приобрести новое жилье. Когда этот вердикт был зачитан, Кирилл бросил взгляд на Шурочку и увидел, что она готова лопнуть от злости. Ничего подобного она не ожидала. Она что-то яростно зашептала своему адвокату, но судья стукнула молотком по столу и приказала ей замолчать.

Шурочке досталась ее машина, Кириллу его. Мебель поделили. Брат кровать он не хотел, подозревая, что на ней уже успели повалиться Шурочка с врачом. Зато в новом доме Кириллу было на чем сидеть, на чем есть, имелись посуда, телевизор и новенькая кровать. Он избавился от всех вещей, нажитых вдвоем с Шурочкой, доставшихся ему. Вскоре в доме не осталось ни единой супружеской вилки, стакана или полотенца.

Он жалел лишь об одном – что от отвратительного осадка от процедуры развода нельзя избавиться так же легко и быстро.

Досаднее всего было вспоминать о том, что Шурочка родила в нем неуверенность. Он любил ее и рассчитывал, что они проживут вдвоем всю жизнь. Ее не устраивала его работа. А он понял, что работу в полиции не променяет ни на какую другую.

Возможно, именно тогда Шурочка и стала искать развлечений на стороне. Может, она жаждала больших денег. Мечтала о вечеринках в изысканном обществе. А поскольку Кирилл не мог предоставить ей ни того, ни другого, нашла оправдание своим изменениям. Но он-то думал, что она любит его, неважно, что у него в руках – лопата, скальпель или пистолет. Почему же раньше он ничего не замечал? А если ему суждено повторить свою ошибку? Кирилл обладал настоящим талантом стремительно вычислять подозреваемых, но не сумел раскусить собственную жену. Теперь он не доверял себе, боялся во второй раз наступить на те же грабли и выбрать копию Шурочки. А потом слепо ждать, когда и она наставит ему рога.

– Опять хмуришься, – заметил Дэн.

– Тренируюсь, – буркнул Кирилл.

– Да, совершенство достигается практикой. И неудивительно: ты даже пиво себе не заказал. Живи я на одном кофе – тоже был бы мрачнее тучи.

– Выпью пива после ужина. Я за рулем.

– Кстати, об ужине: умираю с голода. – Оглянувшись, Дэн подозвал официанта. – Где ты с ней познакомился?

– С кем?

– С той женщиной со стрельбища, с кем еще? – отозвался Данила. – Той самой, с пистолетом и аппетитной попкой, так удачно упакованной в джинсы, что я сам был бы не прочь...

– Дом, где она служит, на прошлой неделе ограбили, – перебил Кирилл. – Я допрашивал ее.

– Так вы познакомились на прошлой неделе? Значит, еще не все потеряно. Ты никуда ее не пригласил?

– Еще чего!

– А что такого? – Дэн повысил голос: – Черт возьми, почему? – В эту минуту пришел официант с заказом. Едва он отошел, Дэн громко повторил вопрос – Черт возьми, почему?

– Да не ори ты! – разозлился Кирилл.

– Думаешь, с ней не стоит связываться?

Кирилл вздохнул:

– Нет. – На самом деле его неудержимо влекло к Веронике. Беда заключалась в другом: на память о разводе в душе у него остались ожоги третьей степени, поэтому нового раунда отношений он мог попросту не вынести. По крайней мере, пока. Но Кирилл знал, что рано или поздно полетит, как мотылек, на новое пламя.

– Так пригласи ее куда-нибудь! Не захочет – откажется, только и всего.

– На одну ночь она не согласится.

– Ну так рассчитывай на две!

– Одна ночь еще ничего не значит. А две – это уже кое-что, а к такому не готов я.

– Может быть, но сейчас это нужно тебе как никогда. Что толку хмуриться, свалившись с лошади? Снова садись в седло и скажи дальше!

Кирилл не выдержал:

– Хватит!

– Ладно, ладно. – Данила некоторое время водил пальцем по своему запотевшему бокалу, потом вскинул голову. – Ты не против, если я предложу ей встретиться?

Кириллу безумно захотелось разбить чашку о голову друга.

– С какой стати? Нет, не против. – Он заподозрил, что именно к этому и клонил Дэн, стараясь прояснить ситуацию.

– Вот и хорошо. Я просто хотел убедиться... Как ее зовут?

– Вероника Тропарева.

– У тебя есть номер ее телефона?

– Нет.

– А я думал, что ты всегда берешь адреса и номера телефонов для отчетности.

– Она живет в том доме, где произошло ограбление. Она там работает. Есть ли у нее свой номер – не знаю. Но, наверное, есть.

– Где? В каком доме? Чем она занимается?

Иногда разговаривать с Дэном было все равно что с пулеметом – вопросами он палил, как очередями.

– Она дворецкий, служит у отставного судьи.

– Что это у него за дворецкий? Кто он такой?

– Дэн, слушай внимательно: она сама дворецкий, как у английских аристократов. Знаешь, с бутылкой шампанского, обернутой салфеткой, и все такое.

– Ничего себе! – изумился Данила. – А я и не знал, что в России бывают дворецкие!

– Вот именно.

– Дворецкий! А это круто или так себе? Но дворецкий – это же мужчина. А если женщина – значит, дворецкая?

Кирилл невольно усмехнулся:

– Нет. Кажется, это слово не меняется по родам. Ну, как пилот или кофе.

А Данила уже палил очередями дальше:

– Значит, можно позвонить этому судье и позвать ее? Как его фамилия?

– Виленский. Аркадий Юрьевич Виленский. Но не советую тебе вторгаться в чужую жизнь только потому, что кому-то захотелось пригласить кого-то на свидание!

– А, попался!

– Ты о чем?

– Значит, ты к ней все-таки неравнодушен.

Кирилл уставился на друга.

– Не хотел бы я читать твои мысли, – пробормотал он.

– Поэтому меня и слушаются компьютеры: я точно знаю, что творится у них внутри.

– Но я-то не компьютер.

– Ну и что? Тебя тянет к ней, ты не даешь мне ее номер. Улики налицо, вина доказана!

Тебя тянет к этой женщине. Ты говоришь о ней, хотя, по твоим же словам, знаешь, что с такими не встречаются ради одной ночи. Дружище, ты сам еще не понял, что скоро совсем поправишься! Не успеешь опомниться, как уже будешь завтракать с ней за одним столом и улыбаться во весь рот!

– Я не умею улыбаться, – напомнил Кирилл, пряча усмешку.

– Значит, будешь сидеть насупившись. Это уже неважно.

Кирилл понял, что Дэна ему не переубедить.

– Ладно, ты прав: каждый раз, когда я вижу ее, у меня вырастает третья нога.

– Наконец-то ты во всем сознался!

– И если ты попробуешь пригласить ее на свидание, я переломаю тебе все кости.

– Вот теперь я слышу моего давнего друга!

– Дэн, ты неисправим!

– Сам знаю.

* * *

После напряженной тренировки с инструктором по карате Ника вернулась домой взбодрившаяся. Виленский ужинал в гостях, поэтому Нике не понадобилось накрывать на стол. Она быстро обошла дом, убедилась, что все окна закрыты и двери заперты, а потом поднялась к себе.

Сунула чашку воды в микроволновку, потом прошла в спальню и разделась. После тренировки она ополоснулась под душем, но одежда все равно липла к телу. Ника с наслаждением подставила его потоку прохладного воздуха от вентилятора. Выполнив все планы на сегодня, она имела полное право побаловать себя маской и горячей ванной с ароматом лаванды.

Пустив воду в ванну и высыпав в нее пачку ароматической соли, Ника набросила халат, вытащила чашку из микроволновки и утопила пакетик с зеленым чаем в кипятке.

Пока заваривался чай, она бегло посмотрела почту. Отложила конверт, а остальное отправила в мусорку. Первый глоток чая показался ей блаженством.

Вдохнув, она уселась поудобнее и вскрыла конверт.

«Уважаемая Вероника! Предлагаю Вам работу в моем доме, с тем же перечнем обязанностей, которые Вы выполняете сейчас. У меня большой дом, которому пойдут на пользу Ваши заботы, и я считаю, что выгода будет обобщенной. Какой бы ни была сейчас Ваша зарплата, я увеличу ее вдвое. Прошу сообщить мне о Вашем решении».

Любопытно... Ника не поддалась искушению, но все равно испытала прилив любопытства. Она взглянула на обратный адрес. Это не в поселке, а в самом городе. Судя по дате, его отправили сразу после показа интервью на телевидении.

Ника вовсе не ожидала такого. Предложение польстило ей, но расставаться с Виленским она не желала ни за какие деньги.

Однако щедрое предложение заслуживало немедленного ответа, и Ника набрала указанный в письме номер. После нескольких гудков включился автоответчик и негромкий мужской голос произнес: «Я не могу вам ответить. Оставьте сообщение, пожалуйста».

Вероника медлила в нерешительности. Оставлять сообщение ей не хотелось, но для того и существуют автоответчики, и обзаводятся ими не зря.

– Говорит Вероника Тропарева. Спасибо вам огромное за предложение, но меня вполне устраивает нынешняя работа и менять ее я не собираюсь. И все-таки – благодарю.

Она положила трубку, отпила чаю и только тут вспомнила про воду в ванной. Ванна уже наполнилась, над ней вился пар – температура в самый раз. Ника выключила воду, положила на бортик плеер,бросила халатик и со счастливым вздохом улеглась в ванну. В ароматную воду, доходящую ей до подбородка. Натруженные мышцы постепенно начали расслабляться. Ника почти физически ощущала, как из них выходит усталость.

Ванную комнату наполнили негромкие звуки медитативной музыки – тихие фортепianneные аккорды, перебор струн, невесомый звук скрипки. Сделав еще глоток чая, Вероника расслабилась и задремала.

* * *

«Говорит Вероника Тропарева...» Он остановил запись, перемотал пленку и снова включил воспроизведение.

«Говорит Вероника Тропарева...»

Ее голос звучал в точности как по телевизору. Он стоял возле автоответчика – как в тот момент, когда она позвонила.

«Говорит Вероника Тропарева...»

Он никак не мог поверить своим ушам: она отвергла его предложение. Он вдвое увеличил и до того скорее всего немаленькую ее зарплату! Однако это доказательство ее преданности, которую не купишь ни за какие деньги. Значит, оказавшись в его доме, она будет так же предана и ему.

«Говорит Вероника Тропарева...»

Он наделен талантом переубеждать людей, разрешать любую ситуацию в свою пользу. Стало быть, менять работу она не собирается?

Ну-ну, посмотрим!

Глава 6

На следующее утро, подавая завтрак, Ника сообщила Виленскому:

– Вчера мне в письме предложили работу. Должно быть, этот человек увидел передачу по телевизору.

– Хм… А этот отстойный козел, который рассчитывал переманить тебя, знает, что впустит в свой дом тирана?

Ника рассмеялась. Молодежный жаргон в устах старого судьи звучал нелепо.

– Кто вас этому научил?

– Внуки.

– Ясно. – Ника чуть не расхохоталась, представив себе, как пятнадцатилетняя Лиана с пирсингом в брови обучает деда молодежной браны.

– И что же ты сказала тому козлу?

– Поблагодарила его за предложение, но объяснила, что меня полностью устраивает нынешняя работа.

За стеклами очков блеснули глаза.

– Говоришь, он видел тебя по телевизору?

– Наверное, иначе откуда он мог узнать обо мне? Разве что от ваших друзей.

– А это не один из них?

– Нет, фамилия мне незнакома.

– Может, какой-нибудь молодой красавец, который по уши влюблен в тебя?

Ника пренебрежительно фыркнула:

– Только законченный болван может предлагать работу человеку, не выяснив его квалификацию и не получив рекомендации.

– Не парься, Ника, колись давай!

На этот раз она не удержалась и рассмеялась, поскольку это выражение было целиком позаимствовано у внучки.

– Сходи хотя бы на собеседование, – добавил Виленский, удивив ее.

Вероника замерла:

– Это еще зачем?

– Я уже стар и долго не протяну. Для тебя это удачный шанс, наверное. Он ведь предлагает хорошие деньги?

– Верно, но это не имеет значения. Я намерена служить у вас, пока вы меня не уволите.

– Но чем больше денег – тем легче осуществить твой план…

Ника как-то рассказала Виленскому о своей мечте взять длинный отпуск и объездить весь мир. Он с энтузиазмом отнесся к ее идее, даже принялся изучать атлас мира, называя страны, которые могли бы ее заинтересовать.

– С планом все будет в порядке. И потом, люди – важнее всех планов.

– Прости старика за назойливость, но ты молода и красива. А как же брак, семья?

– Надеюсь, все это у меня будет, но попозже. И даже если я никогда не выйду замуж, это не помешает радоваться жизни и выбранной работе. Я довольна собой, а это уже неплохо.

– Верно, такое встречается редко, – с мягкой улыбкой старик Виленский окинул ее взглядом. – Когда ты выйдешь замуж – заметь, я говорю «когда», а не «если», потому что в один прекрасный день ты встретишь мужчину, с которым не захочешь расставаться, – он будет каждый день на коленях благодарить Бога за такой подарок.

Нике захотелось обнять старика, но она только улыбнулась и произнесла:

– Спасибо за чудесный комплимент… А если я буду кормить его здоровой пищей?

– Он поймет, что ты заботишься о его здоровье.

После завтрака Нике, как следовало ожидать, позвонил один из братьев, Славик:

– Привет, малышка! Передача получилась что надо – прямо как реклама. Никто из наших с Вовой знакомых не верит, что ты наша сестра, и все требуют познакомить их с тобой.

– Еще чего! – смеясь, отозвалась Ника.

– А почему бы и нет? Признаться, среди них есть и тормоза, но двое-трое – классные ребята.

– Значит, при них можно упомянуть, что я стреляю лучше тебя и Вовы? – невинным голосом поинтересовалась Ника.

– Это еще зачем?

– Да просто эта тема всплывает у меня на каждом свидании.

– Ладно, ладно, я тут вспомнил, – заторопился брат, – мне уже пора бежать. Пока-пока!

Услышав негромкий звон, указывающий на то, что входная дверь открылась, Ника взглянула на часы: ровно два. Согласно расписанию Аркадий Юрьевич отправился на дневную прогулку. На обратном пути он заберет почту из большого почтового ящика, потом выпьет свежесваренный кофе, сидя в библиотеке и перебирая события минувшего дня. Судья старомоден и любит получать обычные письма в конвертах и даже рекламные листовки. Подолгу листает каталоги. Даже эйвоновские. Он часто повторяет, что пенсия хороша уже тем, что у него появилось время на бесполезное чтение.

Услышав, что старик уже вернулся с прогулки, Ника перелила кофе в кофейник.

Вместо того чтобы устроиться в библиотеке, Виленский пришел на кухню. Ника с поварихой переглянулись.

– Это прислали тебе.

Обычно он складывал почту Ники на столике в холле.

– Странно… – удивилась она. – Я ничего не заказывала.

– Обратного адреса нет. Не нравится мне это. А если там бомба?

– Кому могло понадобиться посыпать мне бомбу? – пожала плечами Вероника и понесла поднос с кофе и крекерами в библиотеку.

Виленский последовал за ней, неся почту и посылку.

Она расставила кофейный сервис на письменном столе судьи, но он не сел, а отложил свою почту и с сомнением уставился на странную посылку. Ника обычно читала почту по вечерам, она приходила на ее электронный адрес. Очень редко что-то присыпали в конверте. А уж бандероли – никогда.

Но она почувствовала, что Аркадий Юрьевич не успокоится, пока не убедится, что посылка безобидна.

– Посмотрим, что там, – предложила она и протянула руку.

К ее удивлению, старик не отдал ей посылку.

– А может, вызовем милицию?

Ника не стала смеяться по поводу «милиции». Если старик настолько тревожен, шутить не стоит.

– Если это и вправду бомба, почему она не сработала, когда ее бросили в почтовый ящик?

– Бомбы в конвертах устроены так, что они срабатывают только при определенном воздействии, когда вскрывают конверт.

– Давайте рассудим здраво. Кто бы мог послать такую посылку?

– Напрасно мы согласились на это интервью, – покачал головой Виленский. – Видишь, что из этого вышло?

– Сначала кто-то предлагает мне работу, а теперь мне прислали эту бандероль. Может,бросим ее в воду?

Видимо, старик представил себе, как они вдвоем топят посылку в ванной и вызывают полицию, потому что вдруг улыбнулся и заметно расслабился:

– Похоже, я превращаюсь в параноика. Бомбу в конверте скорее прислали бы мне, а не тебе.

– В наше время необходимо быть бдительными.

Он вздохнул:

– Ты позволишь мне вскрыть ее?

Вероника закусила губу. Это ее долг защищать его, а не наоборот. Но люди его поколения всегда считали обязанностью мужчины защищать женщин, и Ника понимала, насколько это важно для него.

– Пожалуйста, – почти умоляюще произнес он.

Тронутая до глубины души, она кивнула:

– Конечно, вскрывайте.

Виленский отступил подальше, развернул сверточек, взял нож для писем и осторожно разрезал липкую ленту, которой была заклеена коробочка, оказавшаяся внутри. Ника невольно затаила дыхание, когда старик взялся за крышку коробочки. Но, к счастью, все обошлось!

Под крышкой лежал слой оберточной бумаги. Виленский приподнял бумагу, заглянул под нее, и его лицо стало озадаченным.

– Что там?

– Футляр из ювелирного магазина.

Из коробки он извлек плоскую коробочку. На белой атласной поверхности внутри – золотой кулон-капля: мелкие бриллианты окружали жемчужину овальной формы. Все это держалось на витой цепочке из золота.

Оба уставились на кулон.

Он выглядел изысканно, но и Нике, и Виленскому почему-то стало тревожно. Кто мог прислать ей такое дорогое украшение?

– Вещь не из дешевых... – Судья внимательно разглядывал кулон. – Я бы оценил его в тысяч сто – сто пятьдесят рублей, только приблизительно, разумеется. Жемчужина очень хороша.

– Но кому вздумалось послать его мне? – Ника схватила упаковочную бумагу и принялась вертеть ее в поисках обратного адреса.

На пол соскользнула белая карточка.

– Ага!

Наклонившись, она подняла карточку и прочла надпись на одной стороне. Вторая сторона была чистой.

– Там написано, кто прислал кулон?

Ника покачала головой:

– Звучит странновато...

Виленский не видел, что написано на карточке.

– Что там?

Она подняла голову, и в ее темных глазах ясно отразились замешательство и тревога. Поколебавшись, она протянула Виленскому карточку.

– «Маленький дар в знак моего уважения».

Но кто его прислал?

Глава 7

Выяснить ее распорядок дня оказалось проще простого. Он мог бы нанять частного детектива и установить слежку за домом, но не хотел привлекать посторонних, чтобы избежать нежелательных вопросов. Несколько раз он проехал по улице, выискивая удобное место для парковки. Движение здесь было не слишком оживленным, но достаточным, чтобы чужой автомобиль мог остаться незамеченным. Беда заключалась в том, что припарковаться оказалось решительно негде.

Жилые дома стояли по обе стороны улицы, по тротуарам целыми днями сновали пешеходы.

Но вскоре выяснилось, что ему необходимо лишь время и удобство. Часами разъезжая по улице, он замечал, когда в дом приходит наемная прислуга, и заносил время в крошечную записную книжечку, купленную специально для этого.

Время ухода проставлялось там же.

В среду Вероника ушла из дома утром и вернулась лишь вечером. Он попытался проследить за ней, но она затерялась в потоке транспорта на шоссе. Вместо того чтобы бесцельно колесить по округе, он остановился у такой редкой сейчас телефонной будки и набрал номер Виленского. У него были полезные связи, поэтому достать этот телефонный номер не составило труда.

К телефону подошла какая-то женщина, и он попросил Веронику, считая, что, назвав ее по имени, не вызовет подозрений. Эта фамильярность была неслучайна: ему казалось, что он уже знаком с Вероникой, знает, как она предана и принципиальна, как безукоризненно она выглядит, как держится, даже как звучит ее голос.

– Вероники сегодня нет, – жизнерадостно ответила незнакомка.

– Нет? Минутку, я совсем запутался. Сегодня у нее выходной? – Он умышленно говорил беспечным тоном и не пользовался привычными выражениями.

– Да, выходной.

– Так сегодня среда? Совсем потерял счет дням! Я думал, сегодня четверг.

Его собеседница засмеялась:

– К сожалению, еще только среда.

– Ладно, тогда перезвоню Веронике на мобильный. Спасибо. – Он повесил трубку прежде, чем собеседница успела спросить у него имя.

И записал новую информацию мелкими аккуратными буквами: «Среда – выходной».

Он ощущал трепет волнения. Значит, выходные дни у нее все-таки бывают. Он считал, что уже собрал почти всю необходимую информацию, но продолжал наблюдение, чтобы удостовериться в этом.

Ничем не пренебрегать – вот в чем ключ к успеху!

Он был бы не прочь последить за ней целый день, увидеть, чем она занимается, какие у нее интересы и увлечения, но привлекать к себе лишнее внимание все-таки не следовало.

И еще – его ждала работа.

Он вспоминал, как выглядела Вероника, когда выезжала за ворота. Темные волосы распущены, глаза скрыты за черными очками в классической оправе. Она производила впечатление надменной, загадочной, экзотической женщины. Машину она водила с легкостью профессионала. И он знал, что в этом нет ничего удивительного: в конце концов, она закончила специальные курсы. Вероника посвятила всю свою жизнь дряхлому Виленскому, который ничем не заслужил такой преданности. Судья даже свое состояние не все заработал, большую часть унаследовал. А он спас наследство от транжиры-отца. Виленский всю свою жизнь только и делал, что торчал в зале суда и выносил приговоры с таким видом, словно это апофеоз мудрости.

Вероника заслуживала большего.

Она могла претендовать... на что угодно!

Ему хотелось преподнести ей подарок – что-нибудь, что постоянно напоминало бы ей о нем. Это должна быть какая-то вещь, которую она будет надевать ежедневно, прикасаться к ней, беречь ее. Но не одежда – это неприлично. Цветы быстро увядают, и их выбрасывают.

Значит, драгоценности!

Веками мужчины дарили их своим возлюбленным – разве не так? Украшения неразрывно связаны с тайнами, интригами, даже проклятиями, но его дар будет абсолютно чист. Однако осторожность не помешает: дарить уникальные драгоценности еще не время, придется ограничиться подарком, купленным в обычном ювелирном магазине. Но даже он должен быть особыенным.

Он решил купить украшение в магазине, где еще никогда не бывал и где его никто не узнает. Об оплате картой не могло быть и речи: отыскать их владельца не составит труда. Со временем Вероника узнает, но не сейчас.

Он заранее снял со счета деньги.

Приехав в нужный магазин, он внимательно изучил ассортимент, прежде чем сделал выбор. Веронике подойдет простое классическое украшение, кричащая роскошь только вызовет у нее отвращение – впрочем, как и откровенная дешевка.

Наконец он остановил выбор на подвеске в виде капли с великолепной овальной жемчужиной в оправе из мелких бриллиантов. Сочетание жемчуга и бриллиантов отражало, как ему казалось, саму сущность Вероники.

К изумлению продавца, он расплатился наличными. Футляр от драгоценности он выкинул в первую же урну. Дома у него был такой же футляр, без надписей, от обычной, дешевой бижутерии. Теперь никто не сможет вычислить, кто купил подвеску. И где.

Он тщательно упаковал подарок. Ему представилось, как Вероника лежит обнаженная в постели и нежно поглаживает висящую на шее подвеску, гадая, кто прислал ей такой чудесный подарок.

А в ложбинке между медовыми грудками блестит жемчужная капля в холодном бриллиантовом сиянии.

Теперь – подкинуть незаметно подарок в почтовый ящик Виленского.

Он заметил, что тот каждый день в одно и то же время выходит на прогулку, а на обратном пути забирает из ящика почту. Проехать мимо именно в этот момент было затруднительно, он чуть не опоздал на несколько секунд, но все-таки успел увидеть все, что хотел, в зеркало заднего вида. Старик вынул из ящика сверток и замер, оглядываясь по сторонам.

Далее улица плавно изгибалась, Виленский скрылся за поворотом. Черт, почему он застыл столбом? Что ему не понравилось? Что взбрело в голову? Неужели он приревновал Веронику к тому, кто посыпает ей загадочные бандероли?

А как же иначе? Конечно, старик ревнует. Он стремительно дряхлеет, ему лестно постоянно видеть рядом цветущую женщину, которая преданно заботится о нем. Должно быть, всем приятелям он рассказывает, что спит с ней.

При этой мысли он в ярости стиснул руль побелевшими пальцами. Он почти слышал, как хилые старики пошло хихикают, словно разнужденные юнцы.

Его долг – избавить Веронику от такой участи!

* * *

Ника положила плоский футляр на кухонный стол и не сводила с него глаз все время, пока ужинала. Подвеска была изумительна, но ей почему-то не хотелось прикасаться к ней. Подарок – одно дело, а посылка неизвестно от кого – совсем другое. В этом украшении было

что-то зловещее, словно ей прислали спрятанную в ящике змею. Наверное, Аркадий Юрьевич прав: из-за телепередачи на нее обратил внимание какой-то извращенец.

Само собой, это украшение она никогда не наденет. Ника вообще редко носила драгоценности, ограничиваясь золотыми сережками и наручными часиками. Золотые побрякушки были не только неуместны на ее работе, но и просто не нравились Нике. Ей казалось, что они тянут ее вниз, к земле, а ей хотелось и духом, и телом взмыть ввысь, быть невесомой, лишенной всех земных условностей.

Вдобавок выяснить кто прислал ей подвеску, было невозможно. Этим неизвестным мог оказаться, кто угодно – например, человек, с которым она просто разминулась в магазине или сидела рядом в кино... Если бы она только знала, кто он такой, она постаралась бы избегать его. И вернуть этот чертов подарок! А если она наденет это украшение, неизвестный может воспринять это как сигнал. Какой именно – Вероника могла лишь гадать.

Она умела замечать, что за ее машиной следят, и никогда не теряла бдительность за рулем. Но, оставаясь в машине одна, она расслаблялась... А теперь неизвестный отнял у нее это право. Придется быть начеку, подозревать всех и каждого.

А Ника этого не любила.

А может, ничего и не случится? Некоторые извращенцы идут на попятный, так и не дождавшись реакции от объекта их внимания. Хорошо бы заметить, кто за ней следит, завести его на стрельбище и показать, на что она способна. Ее меткость охладит любой пыл!

Перебрав в уме все возможные варианты, Ника пожалела о том, что неизвестный не послал ей письмо с угрозой – в таком случае она могла бы обратиться в полицию. Но кулон с жемчугом и бриллиантами и карточку с надписью «Маленький дар в знак моего уважения» едва ли можно счесть угрозой. Этот подарок выглядит странным, но не опасным. Никто не нарушал никаких законов, Ника не в состоянии вернуть подарок отправителю, поскольку не знает его обратного адреса.

Делать было нечего: оставалось ждать, когда неизвестный сам разыщет ее и спросит, почему она не носит его презент. Ника не знала, готова ли она к такой встрече, даже если ей представится шанс попросить оставить ее в покое. Поскольку речь шла о человеке со странностями, Ника не представляла, что предпринять. Неизвестно, что может спровоцировать его на нежелательные действия.

Она не считала себя мастером боевых искусств. Однако могла защитить не только своего подопечного, но и себя лучше, чем большинство людей. Она старательно поддерживала хорошую физическую форму, превосходно стреляла и отлично водила машину. Однако пользоваться этими навыками в силу необходимости ей не хотелось. Ей хватало возможности вести хозяйство у Виленского и заботиться о нем – вот и все. Боевые искусства полезны лишь в определенной степени, и ей всегда становилось неловко и страшновато, когда приходилось пускать их в ход. Один-единственный загадочный эпизод еще не означает, что за ней следят, но, понимая, что и это возможно, Ника больше не могла думать ни о чем другом.

Черт бы побрал этого извращенца – он лишил ее душевного покоя.

Между тем делать было решительно нечего, разве что оставаться настороже и принять все меры предосторожности. А беспомощность Ника ненавидела всей душой. Ей хотелось действовать, но как?

Инстинкты и приобретенные навыки настоятельно советовали ей переходить в наступление. Ведь лучшая защита – это нападение. А приходилось довольствоваться обороной.

Придется действовать по обстоятельствам, как это ни прискорбно. Ника хватало знаний и навыков, требовалось лишь грамотно применить их. Возможно, эта партия кончится через пару ходов. Неизвестный позвонит ей завтра, чтобы узнать, понравился ли ей его подарок, а она попытается обескуражить его. Ника умеет быть вежливой, но все-таки она дочь военного и

сестра военных. Поэтому владеет искусством категоричного отказа. Если понадобится, сможет даже прибегнуть к откровенному хамству.

Словом, ей решать, как быть дальше – но только в том случае, если неизвестный не начнет угрожать ее подопечному. Тогда она немедленно известит об этом органы. Пожалуй, сделает это прямо сейчас. И известит не всю полицию, а только одного полицейского. Кажется, он дал Аркадию Юрьевичу свою визитку…

Ника спустилась вниз, в библиотеку, где Виленский, развалившись в кожаном кресле, довольно пялился на новый огромный супертелевизор. Ника вежливо постучала, старики вскинул голову.

– Простите за беспокойство, но не сохранилась ли у вас визитка следователя Федорова? Я решила все-таки сообщить в полицию о подарке, даже если он не имеет никакого отношения к делу.

– Отличная мысль. Визитка в вазочке на полке.

Он начал было подниматься, но Ника остановила его. Старики Виленский до сих пор не мог свыкнуться с мыслью, что Ника служит у него, совершенно не претендуя на галантное обращение. Ее основные обязанности – подавать ему еду и приводить в порядок одежду – старики воспринимал спокойно, поскольку считал их обычными женскими делами, но ничто не могло отучить его, к примеру, открывать перед ней дверь.

– Я сама найду. Не вставайте. – Ника переписала номер телефона. – Спасибо. Вам ничего не нужно?

– Нет-нет. Я в порядке, – поспешил заверить Виленский, не отрываясь от бешеной погони на экране.

Вот оно, зрелище для настоящих мужчин, со вздохом подумала Ника. Ее отец тоже любил такие фильмы.

Вернувшись к себе, она набрала номер Федорова, но вдруг отключилась, не дождавшись сигнала. Подслушать разговор по телефону проще простого. Ей нечего было скрывать, но мысль о том, что ее могут подслушать, вызвала у нее гадливость.

Думать о неизвестном, который бесцеремонно вторгся в ее жизнь, было невыносимо. Она хотела разговаривать, ни о чем не беспокоиться.

Хотела просто жить, черт возьми!

Пройдя в спальню, она сняла трубку обычного телефонного аппарата. Хорошо, что кроме радиотелефона сохранили и обычную связь. Набирая номер, Ника прижала трубку к уху плечом, свободной рукой вытянула из-под покрывала подушку, смяла ее и засунула за спину, поудобнее устраиваясь на кровати.

Кирилл ответил после третьего гудка, его голос прозвучал недружелюбно:

– Федоров слушает.

Мрачный голос.

– Здравствуйте, это Вероника Тропарева.

Последовала непродолжительная пауза, словно Кирилл пытался вспомнить, кто она такая.

– Чем могу помочь?

Из трубки доносились только звуки работающего телевизора, но никаких голосов Ника не уловила – ни лепета играющих детей, ни шепота жены: «Кто это?» Похоже, Федоров дома один.

Вот и хорошо!

Внезапно Ника поймала себя на том, что слишком уж обрадовалась его одиночеству.

– Я понимаю, к расследованию это не имеет отношения, но сегодня утром я получила странную посылку от неизвестного отправителя.

– Неизвестного? А что было внутри? Дохлая кошка?

Ника промолчала. Кирилл вздохнул:

– Простите. Вы удивились бы, узнав, как много людей получает по почте дохлых кошек.

Именно поэтому на почте не принимают посылок без обратных адресов.

– Но на этой посылке не было даже штемпеля.

– Так что было в посылке?

– Очень дорогой кулон с жемчугом и бриллиантами.

– Насколько дорогой?

– Аркадий Юрьевич считает, что он стоит более ста тысяч рублей. На карточке написано «Маленький дар в знак моего уважения». Но подписи нет! Как видите, ничего опасного, но мне почему-то... не по себе. И Аркадий Юрьевич встревожился: он решил, что это дело рук какого-нибудь помешанного, который увидел меня по телевизору.

– Очень может быть. А вы уверены, что это не подарок от вашего друга?

– Никакого друга у меня нет. – Она могла просто ответить, что этот кулон не от друга, но не стала. «Друга у меня нет». Все ясно как день. Если он заинтересовался, то наверняка позвонит.

Последовала еще одна пауза. Наконец Кирилл произнес:

– Послушайте, мы ничего не можем...

– Знаю, знаю! И хочу узнать, что теперь делать мне – сейчас и потом, если дело примет серьезный оборот.

– Запоминайте все, что внушиает вам подозрения. Записывайте все странные телефонные звонки – например, если в трубке кто-то будет тяжело дышать и молчать. У вас есть определитель номера?

– Нет.

– Тогда обзаведитесь им. Без мобильника не отходите от дома ни на шаг. В любом другом случае я заверил бы, что беспокоиться не о чем, но дорогой подарок настороживает.

– Меня тоже. – Она вздохнула и провела ладонью по лбу. – Терпеть не могу такое состояние. Ничего не случилось, а мне все кажется, будто вот-вот произойдет что-то ужасное.

– Не поддавайтесь страху. Призовите на помощь здравый смысл, будьте осторожны и звоните, если что.

– Хорошо. Спасибо за совет.

– Не за что. – Он отсоединился.

Ника рассмеялась и последовала его примеру. По крайней мере, одно она узнала точно: следователь Федоров хоть и одинок, но ею определенно не интересуется. Иначе не говорил бы с ней так холодно и отчужденно.

Проходя через гостиную, Ника обратила внимание на окна: шторы не были задернуты. Она поспешила задернуть их, замирая от страха. А если неизвестный рядом? Если подглядывает за ней?

Глава 8

Больше ничего странного не произошло. Никто не звонил, не слал подарков, а если за ней и следили, то Ника этого не замечала. Однажды ей показалось, что ее преследуют, но, видимо, наблюдатель попался не слишком опытный и выбрал для слежки белый «Ягуар». Не прошло и минуты, как Ника оторвась от него и затерялась в плотном потоке транспорта.

Позвонила мама.

Разговор с ней помог Нике воспрянуть духом – для этого было достаточно узнать, что дома все хорошо. И у нее тоже – если не считать злополучного кулона. Вспоминая о нем, Ника снова настораживалась и думала о том, что где-то есть человек, считающий, что это в порядке вещей – посыпать дорогие безымянные подарки незнакомым женщинам.

В субботу она подровняла волосы, сделала маникюр и отправилась в кино. В дороге снова постоянно посматривала по сторонам, на людей и машины, но не заметила ничего необычного.

Ровным счетом ничего.

В толпе не мелькало одно и то же лицо, ее никто не преследовал. Ника решила, что успокаиваться еще слишком рано, но на обратном пути вздохнула свободнее.

Следующий выходной прошел почти так же. Никто не следил за ней по пути в спортзал, на тренировке. На стрельбище она задержалась подольше, поскольку стрельба поднимала ей настроение. Потом занялась шопингом и почти совсем успокоилась. Особенно приятно было думать о только что купленной одежде.

В книжном она провела почти час, поужинала в любимом ресторанчике «Седьмое небо», потом опять побывала в кино. Ника ходила в кинотеатр редко. Но сейчас решила посмотреть два фильма подряд, чтобы неизвестный, приславший ей кулон, мог подойти к ней или подсесть в зале. Если он еще не покинул город, ей хотелось знать, кто он такой, как выглядит – иначе до конца жизни он будет мерещиться ей в каждом прохожем. Она хотела знать его в лицо, чтобы он перестал быть размытой зловещей фигурой, нарисованной воображением. Так что пусть уж лучше сядет в кино рядом с ней или подойдет после сеанса.

Но в темном зале рядом с ней никто не сел, а когда фильм закончился, никто не заговорил с ней и не толкнул, словно ненароком, – даже на стоянке, где Ника оставила машину. Она спокойно доехала домой.

Снаружи дом выглядел как обычно. На веранде горели фонари, сигнализация работала, в спальне Виленского наверху горел свет. Электронные часы на приборной доске показывали почти одиннадцать. Пора ложиться спать.

Ника припарковалась на своем обычном месте и вошла через заднюю дверь. Тщательно заперев ее, она двинулась в обход по дому, убеждаясь, что все окна и двери заперты. Она услышала, что в библиотеке работает телевизор, в коридор пробивался слабый свет. Значит, судья еще не лег. Оставлять включенным свет наверху – это на Виленского не похоже; он машинально гасит свет всякий раз, когда покидает комнату, даже если собирается вскоре вернуться.

Ника помедлила на лестнице, по ее спине вдруг побежал холодок. Может, старик спустился на минутку к новостям и увлекся?

До нее отчетливо доносился звук телевизора.

Она подошла к приоткрытой двери и заглянула внутрь. Горела только одна лампа – именно при таком освещении Виленский любил смотреть телевизор. Он полулежал в кресле, склонив голову набок. Должно быть, задремал, глядя на экран.

Но почему же тогда наверху горит свет?

Внезапно Ника ощутила странный, неопределенный запах – смесь вони фекалий… еще с чем-то. Она насторожилась и принюхалась. Что с ним? Приступ? Или… Она шагнула в комнату.

Увидев старика под другим углом, она замерла.

Нет!

Только не это!

Повсюду вокруг кресла виднелись темные пятна и сгустки. И даже в полутьме Ника сразу поняла, что это такое.

Она с трудом сглотнула, замерла и прислушалась. Услышала только тиканье часов, грохот собственного сердца – и больше ничего. Но это могло означать, что ее поджидают наверху.

Ее тянуло подойти к старику, поправить ему голову, стереть кровь, струйкой стекшую на шею из крохотного аккуратного отверстия в виске. Хотелось прикрыть чем-нибудь вторую половину головы, где на выходе снесло череп. Хотелось зарыдать, завизжать, взбежать по лестнице и отыскать убийцу, чтобы уничтожить его – он не заслуживает ни единой лишней минуты жизни!

Но ничего этого Ника не сделала. Она попятилась из библиотеки, стараясь ни к чему не прикасаться, и по своим следам вернулась на кухню, где оставила сумочку. В сумочке лежал телефон. Дома Ника не видела необходимости носить его в кармане.

Как выяснилось – ошиблась.

Вместе с телефоном она вынула из сумки пистолет, отошла в угол, чтобы не опасаться нападения сзади – на случай, если убийца еще в доме. Трясущимися руками она включила телефон и набрала службу спасения.

– Служба спасения, слушаю вас.

Нике захотелось зажмуриться, но она не осмелилась. Заговорить ей удалось не сразу.

Сглотнув, Ника выговорила:

– Я звоню из поселка Дубрава, Баррикадная, 40. Хозяин дома убит.

* * *

Подъезжая к дому, Кирилл отметил, что на этот раз он ярко освещен. На подъездной дорожке, на улице и даже на тротуаре теснились машины с мигалками. Соседи подступили к самому оцеплению, на время забыв, что так откровенно глазеть неприлично. Во всех домах на улице горел свет, их обитатели высыпали за ворота и теперь оживленно перешептывались. Один из полицейских снимал толпу камерой: часто случается, что убийца возвращается на место преступления, затесавшись среди зевак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.